Три «Д» для миллиардера. Свадебный салон

Автор:
Тала Тоцка

Три «Д» для миллиардера. Свадебный салон

Тала Тоцка

Три «Д» #2

Артур поднимает голову и окидывает всех троих грозным и сердитым взглядом.

– Чьи это дети? Я спрашиваю, чьи это дети?

«Твои, Тагаев, твои», – так и хочется ответить. Но вслух говорю другое.

– Мои. Это мои дети.

А потом наши глаза встречаются…

Артур Тагаев, отец моих детей – самый молодой миллиардер в Европе, в двадцать семь лет возглавивший бизнес-империю вместо отца. Таким как Тагаевы не нужны дети от таких как я. Мне это доходчиво объяснила его мать. Сам Артур пять лет назад даже не стал со мной разговаривать…

Предыстория: «Двойная тайна для миллиардера»

Тала Тоцка

Дорогие читатели! У книги есть предыстория «Двойная тайна для миллиардера», ищите у меня на странице)

Глава 1

– Ди, доченька, ты пристегнута? – я старательно выруливаю с парковки, чудом не зацепив сверкающий на солнце «Кайен».

Парковки – мой бич, я уже год за рулем, а каждый раз, занимая свободное пространство между такими вот океанскими лайнерами, хочется зажмуриться.

– Да, мамуль, – отвечает моя девочка, и внутри разливается тепло.

Ни за что никому не признаюсь, но я обожаю эти моменты, когда мы остаемся с дочкой вдвоем. Это не значит, что я меньше люблю своих мальчиков, не пройдет и часа, как я буду по ним скучать. Но остаться вот так один на один со своим ребенком, а не с тремя, висящими на мне как обезьянки, это роскошь, которую я редко могу себе позволить.

Ди тоже любит, когда мы с ней сами, без наших мужчин.

– Мамуль, мы с тобой такие девочки-девочки! – говорит она и хитро щурит глазки.

Ну как любит. Ее хватает даже на меньше. Уже через полчаса она начнет ерзать, поглядывать по сторонам и без конца спрашивать, сколько еще до конца тренировки. Мы с ней отвозим наших парней в футбольный клуб, а потом забираем. И за час она успевает соскучиться.

Подъезжаю к спортивному комплексу и окидываю безнадежным взглядом стоянку. Забито под завязку.

– Вы тут нигде не встанете, – машет мне рукой охранник, – разворачивайтесь и поезжайте на ту сторону, может там будет место.

– А что случилось? – спрашиваю, выглядывая в окно. – Утро же. И никто вроде не играет.

– Руководство приехало, – загадочно отвечает охранник, и я понимающе хмыкаю.

Причина уважительная, я сама руководство, знаю, что говорю. Разворачиваю машину и объезжаю стадион.

Тут тоже забито. Возвращаюсь обратно, а сама уже нетерпеливо поглядываю на часы. У мальчиков уже должна закончиться тренировка.

Но мне везет, со стоянки выезжает автомобиль, и охранник показывает, что я могу парковаться.

Закусываю губу и с замиранием сердца втискиваюсь между средней величины танком и бронетранспортером. Судя по габаритам машин, владельцы выбирали их исключительно для того, чтобы такие водители как я оттачивали свою технику вождения.

Вообще-то я хорошо вожу, старательно. Честно отходила в автошколу и сдала экзамены по ПДД. А вот практических уроков мне не хватило, и я записалась на курсы контраварийной подготовки для начинающих. Так что езжу я аккуратно, а вот паркуюсь как придется.

Мы со Стефой купили машину сначала ей, она нас везде возила. А потом поняли, что это неудобно, дети подросли, и я смогла выкроить время на автошколу.

– Мам, дай мне сок, – просит малышка, и я достаю из сумки-холодильника замороженный сок на палочке.

Две порции остаются ждать мальчиков, мои дети никогда не станут есть, не поделившись друг с дружкой. Поэтому всего у нас должно быть по три штуки: три булочки, три конфеты или три порции мороженого.

Ди вприпрыжку бежит ко входу в здание спорткомплекса, я едва за ней поспеваю. Она становится все больше похожей на меня – волосы потемнели, глаза из серых в младенчестве стали зелеными.

У моих детей у всех зеленые глаза, как у меня. Даже у жгуче-черных брюнетов Давида и Данила. В комплекте с черными бровями и ресничками это выглядит

умопомрачительно. И не так похоже на…

– Ваши еще на поле, – говорит мне вахтер, – ругаются с тренером.

Боги, они снова ругаются… Бедный наш тренер…

Бегу на поле, взяв Дианку за руку. Она на ходу облизывает сладкий лед, но я не обращаю внимания. Окидываю взглядом поле.

Чуть дальше группа людей в костюмах, с ними несколько парней в форме клуба. Это не то, что мне нужно. Тренера с мячом в руках замечаю в соседнем секторе, выхватываю взглядом две мелкие фигурки в футболках и шортах и несусь туда.

– Мам, нас выгнали, – хмуро сообщает Данил, а Давид гневно стреляет глазами в тренера.

Выгнали… третья секция за полгода…

И я бессильно опускаю руки.

* * *

У обоих моих сыновей буйный темперамент и такая же буйная фантазия. А мне даже претензии предъявить некому, потому что я догадываюсь, откуда растут ноги.

– На осинке не родятся апельсинки, – многозначительно изрекает Стефа, демонстрируя мне сломанный робот-пылесос, на котором покатались Давид с Данилом. Сначала по очереди, а потом вместе.

А я лишь согласно киваю.

Этой зимой я повезла Дианку в больницу с больной носоглоткой, а мальчиков оставила дома. Стефа должна была скоро вернуться, но ее задержал заказчик. А у нас на обратном пути заглохла машина, так что домой мы со Стефкой вернулись одновременно.

До сих пор не знаю, как у меня не разорвалось сердце, когда я увидела распахнутые окна. С учетом того, что температура воздуха снизилась до десяти градусов.

Влетев в дом, мы со Стефой увидели залитый водой пол. По щиколотку в воде с расстроенными мордахами бродили мои сыновья в шапках, рукавицах и сапогах.

– Мамочка! – бросились они ко мне, как только увидели нас со Стефой. – Стефочка! Мы залили каток, а он не мерзнет! Почему?

– Потому что, к счастью, у нас включен котел, – трижды перекрестилась Стефа на икону Николая Чудотворца, и мы с ней до ночи убирали в доме.

Месяц назад я уехала договариваться с туроператором о групповом туре в Венецию для бракосочетания одной милой пары. Стефа ненадолго задремала. Пока она спала, парни высадили все домашние цветы вместе с горшками в палисадник за домом, превратив наш идеальный рулонный газон в жалкие ошметки. Еще и подключили сестру поливать бедные растения.

– Им в доме стало скучно, – заявил Данил в качестве аргумента. Но мы со Стефой ни на секунду не усомнились, что скучно стало как раз нашим сорванцам.

А еще как-то раз они вымазали жиром ручку двери и крыльцо, чтобы к нам не смог войти Волан-де-Морт. В результате пришла Стефкина подруга, упала и сломала руку. Рука срослась, но со Стефкой подруга до сих пор не разговаривает, хоть та упорно пытается помириться.

– К нам скоро вообще никто ходить в гости не будет, – выговаривала Стефа нашим шкодникам.

– Вот и хорошо, значит мы наконец-то сможем все вместе посмотреть мультики, и нам никто не помешает! – радостно заявил Данил, а Давид лишь упрямо насупился. Надо ли говорить, кого он в такие минуты напоминает?

Детский психолог посоветовал мне направить неуемную энергию сыновей в правильное русло. Например, в спорт. С выбором вида спорта вопросов не возникло – мальчики начали гонять мяч, как только научились крепко держаться

на ногах.

Но везде, где я пробовала их пристроить, предлагали подождать год, потому что четырехлетки считаются не готовыми к командной работе. И я решила начать со спортивной гимнастики.

Тренер продержался две недели, а потом попросил забрать детей. Его терпение лопнуло, когда они расплели канат по всей длине, предварительно срезав чехол. Как объяснил Данил, им стало интересно, каким образом держится плетение и насколько оно прочное.

Давид отмалчивался и супился, он редко считал нужным что-то объяснять. Извинился, и этого вполне достаточно. Мне повезло, что старший сын обладал задатками дипломата и не был таким упертым, как его младший брат. Но новый канат купить пришлось.

Потом я записала мальчиков в бассейн. И Дианку вместе с ними. Занятия в детских спортивных группах начинались с шести лет, так что я отдала их в школу раннего развития, оплатив индивидуального тренера.

После того, как ребята утопили в бассейне его телефон и планшет, меня попросили привести их, когда подрастут. Я беспрекословно подчинилась, предварительно оплатив оторванный разделитель плавательных дорожек.

Как опять же объяснил мой дипломатичный мальчик, им с Давидом показалась тесной дорожка. Они стащили из домашней кладовки кусачки и, пока тренер занимался Дианкой, перекусили трос с поплавками. Мне пришлось оплатить новый разделитель и забрать детей из бассейна.

Конечно, мальчики извинились. Это первое, что они делают после каждой выходки. Но если Данил при этом хотя бы пытается изобразить раскаяние, Давид сохраняет невозмутимый вид.

– Бубочка моя, – увещевает его потом Стефа, – когда просишь у людей прощения, надо хоть глазки в пол опустить. А не смотреть с таким видом, как будто ты хочешь сказать: «Сдохни, крыса!»

Три недели назад, оплатив соседям очередной треснутый стеклопакет, в который Давид попал мячом, я привела сыновей на стадион.

– Им через полгода исполнится пять лет, – упрашивала я тренера, – они же с рождения втроем, а это тоже маленькая команда. Вот увидите, они у меня очень командные!

И теперь я смотрю на своих насупленных детей и недовольного тренера.

– Что случилось, Вадим Степанович? – спрашиваю, все еще теша себя надеждой, что это было сказано сгоряча.

– Я не могу так работать Анастасия Андреевна, – нервно отвечает тренер, – я привык, что мои требования выполняются. Понимаю, что у них у обоих преобладающая нога – левая, но хороший футболист должен владеть обеими ногами. А они не слушают и бьют только левой.

Мальчики шмыгают носами, подтверждая слова тренера. Дианка сочувственно смотрит на братьев.

– Данил, Давид, – говорю с укоризной, все еще надеясь, что удастся уломать Вадима Степановича нас оставить, – разве вы не согласны, что надо одинаково хорошо уметь бить и левой, и правой ногой?

– Нет, – мотает головой Данил, Давид молчит, – нельзя одинаково.

– Это почему же?

– Левую тоже надо тренировать. Она должна еще лучше бить. Так что одинаково – это неправильно.

Тренер раздраженно взмахивает руками.

– Ну вот, и так всю тренировку.

Я смотрю на упрямо сжатые губы своего мальчика, вижу, что они подрагивают, и мне становится его жаль.

– Сынок, – присаживаюсь на корточки, – может, есть смысл чередовать? День правой, день левой?

– Мамочка, – оживляется Давид, – я так и хочу. Но прошлый раз мы всю тренировку били правой, и сегодня я должен бить правой. Моя левая нога может разучиться!

– За один раз не разучится, – пытаюсь его разубедить, но он качает головой.

– Ты не понимаешь, я сегодня попробовал, и уже совсем слабо получается. Вот смотри!

Он берет из рук тренера мяч, и смутное предчувствие заставляет меня воскликнуть:

– Давид, нет!

Но мяч уже взлетает вверх, и мы все следим за его полетом, как зачарованные. Он описывает красивую дугу и как в замедленной съемке гулко бьет точно в лоб одному из мужчин в костюмах, которые направляются из соседнего сектора в нашу сторону.

– Нет, – шепчу я, увидев, как мужчина пошатывается, прижимает ладони ко лбу и садится прямиком на траву. – Пожалуйста, пусть он останется живой!

И искренне радуюсь, услышав глухие маты, доносящиеся из-за спин обступивших его спутников. Ладно, что здесь дети. Пускай. Главное, что живой. Мертвые не матерятся.

Облегченно вздыхаю и поворачиваюсь к сыновьям.

Глава 2

– Мы извиняться, – хватает Данил за руку Давида и тянет к толпе, окружившей пострадавшего. Что-что, а извиняться они умеют.

– Мам, я с ними, – Ди облизывает ледяной сок и мчится следом за братьями.

Я заставляю себя сдвинуться с места и спешу за своими детьми. Хотя спешу – это громко сказано. Ощущения такие, будто к каждой ноге привязано по гире. Не представляю, как посмотрю в глаза человеку, которому мой сын попал футбольным мячом в лоб. Представляю, как это больно!

Подхожу ближе. Мальчики по очереди просачиваются между людьми в костюмах, следом ныряет Дианка.

Выглядываю из-за плеч суровых мужчин в солнцезащитных очках – по виду явно охранники. Пострадавший так и сидит на траве, прижав обе руки к многострадальному лбу, а напротив вытянулись в струночку мои сыновья.

– Извините нас пожалуйста, – громко произносит Данил с интонацией, напоминающей всем известное: «Мы отстали от поезда…»

Мужчина на траве морщится и машет ему рукой, я расцениваю этот жест как призыв к молчанию. Он поднимает голову, я с состраданием смотрю на внушительное пятно, багровеющее прямо на глазах. А следом в лоб влетает десяток воображаемых мячей, и мир вокруг меня делает стремительный кувырок.

Кровь ударяет в голову, во рту становится вязко, в ушах гулко отдается каждое слово. Ноги дрожат, и я хватаюсь за локоть одного из охранников, потому что боюсь лишиться чувств. Охранник удивленно оборачивается и пытается выдернуть руку, но я этого не замечаю.

Нет, этого не может быть. Только не это.

Пусть это будет кто угодно, кто угодно, только не…

Тагаев. Это глюк. Этого не может быть.

Закрываю лицо руками, прижимаю изо всех сил. Считаю до трех. Добрый Боженька, пускай мне просто показалось! Пускай просто припекло солнце, и у меня окажется солнечный удар…

Почти успокоенная отнимаю ладони от лица, и сердце с грохотом обрушивается вниз.

На траве, прижав одну руку к багровому пятну, сидит Артур Тагаев и мутным взглядом смотрит на Данила и Давида. На своих сыновей.

Откуда он здесь взялся? Он что-то узнал о детях? Он приехал их забрать?

Снова хватаюсь за локоть охранника, но тот уже не вырывается. Даже сгибает руку, чтобы мне удобнее было держаться.

– Мы больше не будем, – вторит брату Давид.

Тагаев вздрагивает, его глаза округляются и приобретают чуть более осмысленное и сконцентрированное выражение.

– Погодите, так вас что, правда двое? – машет он у себя перед носом свободной рукой.

Мальчики переглядываются, затем поворачиваются к Тагаеву и дружно кивают. Он снова морщится и трет руками глаза. Теперь они у него почти нормальные.

– А я решил, что у меня в глазах двоится, – хмыкает и внимательно рассматривает парней. – Значит, близнецы?

– Да. Я Данил, а он Давид, – «включает» дипломата Даня.

Тагаев пытается встать и с негромким стоном опускается обратно на траву. Хватается за лоб, а я закусываю губу, потому что к Артуру подходит Дианка.

На ее личике написано неподдельное сострадание, и вообще у нас в семье она самая добрая. Дочка склоняется над Артуром и сочувственно спрашивает.

– Очень больно?

Тагаев вздрагивает и фокусируется на Ди. Завороженно кивает, и моя добрая девочка гладит его по голове.

– Когда мои братья набивают шишки, мама прикладывает лед. Хотите, я с вами поделюсь? Он почти целый, я съела только половину.

Молчание Дианка расценивает как согласие и прикладывает замороженный сок ко лбу Тагаева, заботливо придавив, чтобы лучше держался.

Теперь я издаю глухой стон, и охранник с удивлением на меня смотрит.

– Черт, – раздается из-под кашицы желтого цвета, – он сладкий? – Тагаев придерживает сок за палочку, и мне хочется умереть. Ну почему Давид попал именно в него?

– Значит, ты сестра? – не унимается Артур, и все трое кивают.

– Старшая, – снисходительно поясняет Давид.

– Ты? Старшая? – недоверчиво смотрит на Дианку Тагаев. – Чего ж такая мелкая?

Ди со вздохом пожимает плечами. Она давно убедилась, что мир несправедлив.

– Так она на двенадцать минут всего старше, – с готовностью уточняет Данил, и Тагаев наконец соображает.

– Вы что, тройня?

– Да, – дружно отвечает моя тройня. Или наша с ним…

Я понимаю его замешательство. Ди совсем не похожа на братьев. Артур хотел еще что-то спросить, но тут его окружают медработники с чемоданчиками неотложной помощи.

В считанные секунды Тагаева отмывают от сока, накладывают повязку, и вот уже он сурово смотрит на детей, прижимая ко лбу упаковку со льдом.

– И кто меня приложил, признавайтесь?

– Я, – делает шаг к нему Давид.

– Покажи, – Тагаев несколько минут смотрит на опешившего мальчика. – Ну, чего ты ждешь? А то я не поверю, что такая мелочь может так ударить по мячу.

Это было то, что нужно Давиду. Доказать. Это он умеет и практикует. Давиду подают мяч, он делает шаг назад и с разбега бьет ногой по мячу.

– Левой? – удивленно отмечает Артур и переводит взгляд на Даньку. – А ты тоже так можешь?

Данил гордо кивает. По знаку Тагаева ему подают еще один мяч, и мой сын левой ногой отправляет его вслед за первым.

– Тоже левой? – Артур озадаченно почесывает макушку и снова смотрит на обоих парней. – Вы вообще чьи?

– Мамины, – с готовностью отвечает Дианка.

– И где же она?

Дети высматривают меня из-за спин охранников, и я инстинктивно отступаю назад.

– Там, – неопределенно машет в мою сторону Данил.

Артур поднимает голову и окидывает всех присутствующих грозным и сердитым взглядом.

– Чьи это дети?

Те переглядываются между собой и недоуменно перешептываются, качая головами. В воздухе звенит резкое:

– Я спрашиваю, чьи это дети?

«Твои, Тагаев, твои», – так и хочется ответить. Но я делаю шаг вперед и высоко вскидываю подбородок.

– Мои. Это мои дети.

Толпа передо мной расступается. А потом наши глаза встречаются.

* * *

– Ты? – Артур окидывает меня с головы до ног удивленным взглядом, а потом с криком «Я тебя узнал, ты нас обманула! Деньги забрала, а аборт не сделала!» начинает меня душить.

– Вы? – Артур окидывает меня с головы до ног удивленным взглядом. – Это ваши дети?

Отчаянно моргаю, чтобы поскорее прогнать идиотские видения, возникшие совершенно внезапно, и киваю как болванчик. Несколько раз подряд.

– Все трое? – переспрашивает недоверчиво и уже более придирчиво осматривает с ног до головы. Я бы даже сказала, оценивающе.

Быстро сглатываю. На языке вертится остренькое и язвительное из серии: «У тебя совсем мозги отшибло, Тагаев? А как еще, если они тройня?»

Но тут же вспоминаю, что мужчине только что прилетело в лоб футбольным мячом от моего сына, так что это будет больше смахивать на жесткий троллинг.

Нашего с ним сына. От осознания этого по телу пробегает дрожь, а затылку, наоборот, становится жарко.

В нескольких шагах от меня стоит человек, от которого я родила троих детей. С которым у меня была хоть и недолгая, но связь. Самая близкая связь, какая только может быть между мужчиной и женщиной. И эта связь до сих пор мерцает тремя невидимыми ниточками, натянутыми между нами.

И при этом в мире, наверное, нет человека, который был бы настолько от меня далек. Поэтому я еще раз сглатываю и отвечаю коротко.

– Да.

Взгляд Тагаева продолжает блуждать по моему телу, а потом задерживается на его нижней части. Точнее – животе. Тагаев смотрит то на меня, то на мой живот, то на детей, как будто они только что прямо у него на глазах вылезли оттуда все трое, и он никак не может в это поверить.

– Меня зовут Артур, – вдруг говорит Артур, и на меня сверху обрушивается ледяной поток.

Артур… Меня зовут Артур… Ты такая сладкая, такая тесная малышка…

Понимаю, что передо мной не просто отец моих детей. А еще и мой первый мужчина… И едва удерживаюсь, чтобы не схватиться за локоть все того же охранника в очках.

– Артур Асланович Тагаев, – продолжает Тагаев, – я недавно купил этот клуб.

– Нас… Анастасия, – вовремя спохватываюсь я, – Андреевна.

Тагаева дергают снизу за рукав, и я вижу расстроенное личико дочки.

– Я Дианка, – у нее дрожит голосок, и я понимаю, что ей очень обидно, что никто не спросил, как ее зовут.

Вряд ли это интересно Тагаеву, и мне вдруг тоже становится обидно за дочь. Девочка своим мороженым пожертвовала, а он даже не поинтересовался именем спасительницы.

Но лицо Артура внезапно принимает очень странное выражение. Была бы я глупой сентиментальной гусыней, то сказала бы, что трогательное. А так назову его заинтересованным.

– Какое красивое имя, – хвалит он и переводит взгляд на мальчиков. – А вы… Давид и Данил, правильно?

Он по очереди указывает на каждого, и те кивают с озадаченным видом. Я тоже в полном замешательстве.

Не перепутал. Или запомнил? Да нет, не может быть. С первого раза? Обычно, все путаются, всегда. Даже Стефка, бывает. Только мы с Ди безошибочно можем определить, кто из них кто. Мне они вообще кажутся совсем разными. И… неужели теперь и Тагаев тоже может?

– Значит, Давид, Данил и Дианка? – потирает он подбородок, и очередная ледяная волна с грохотом выбивает из-под меня почву.

Артур улыбается. Смотрит на моих детей и улыбается. А они стоят перед ним полукругом с задранными головами.

Сейчас они похожи на желторотых птенчиков, которые с нетерпением ожидают, когда уже прилетевший родитель начнет скармливать им вкусных червячков. И от этого привычно сжимается сердце.

Моим деткам, как и всем, нужен отец. Который их всегда поддержит и поможет. Который будет гордиться своими сыновьями, а дочку баловать и обожать всех троих. И они бы его любили, это я знаю точно. И я бы ни за что не стала препятствовать их отношениям пусть даже на расстоянии, если бы тогда Артур захотел участвовать в жизни своих детей. Но Тагаев решил иначе.

Дворняжки… Мои дети для него всего лишь дворняжки. Захотелось схватить их за руки и увести отсюда чем быстрее, тем лучше.

Но мне приходится стоять, унимать бушующую внутри бурю и молча смотреть, как улыбается нашим с ним детям Артур Тагаев. Мой первый мужчина, заплативший мне за то, чтобы я от этих детей избавилась.

– Интересные у вас имена, – тем временем изрекает Тагаев с легкой полуулыбкой.

– Три «Д», – соглашается повеселевшая дочка. У нее сверкают глазки и зарумянивается личико. – Нас так мама называет.

– Три-Д? – округляет глаза Тагаев и смеется. А потом смотрит на меня и сразу меняет тон. – У вас уникальные сыновья, Анастасия Андреевна. Им просто необходимы индивидуальные занятия по специальной программе. У них у обоих преобладающая нога – левая, и для их возраста довольно сильный удар.

Тагаев неосознанно прикасается к нашлепке из бинта и пластыря на лбу, и я виновато краснею, как будто это я его стукнула мячом.

– Способные футболисты с ударной левой ногой встречаются очень редко. Так что ваши сыновья – просто находка, – продолжает Артур. – Я знаю, что говорю. У меня тоже левая – преобладающая. И если бы не травма…

Он замолкает. А я лихорадочно пытаюсь справиться с состоянием, близким к обмороку. Ну как же правильно выражается Стефа про осинки и апельсинки!..

– Так тут не одна нога, Артур Асланович, – вдруг заявляет один окружающих Тагаева мужчин с неприятной ухмылкой, – они и похожи на вас. Просто одно лицо. Вы случайно не родственники?

Пуф! И ветер разносит оставшуюся от неприятного мужика горстку пепла. Это Артур и Давид одновременно пальнули в него фирменным взглядом «Сдохни, крыса!» А мне становится страшно от того, что это заметит кто-то еще.

К счастью, на помощь Давиду приходят его брат и сестра.

– Мы похожи на маму, – хором говорят все трое моих детей, яростно вперившись зелеными глазами в незадачливого шутника.

Тот шокированно разглядывает мальчиков, потом переводит взгляд на Тагаева. Его глаза становятся круглыми как садовые фонари, лицо бледнеет, потом багровеет. Мужчина тушуется, что-то бормочет и прячется за спинами соседей.

Тагаев согласно кивает, но вид у него при этом опасно задумчивый. Нехороший вид, сомневающийся. Я растерянно хлопаю ресницами, однако прихожу в себя достаточно быстро.

Утверждать, что сыновья похожи на меня можно лишь, имея очень слабое зрение или же крайне убогую фантазию. Понимаю, что надо как-то спасать ситуацию, и беру инициативу в свои руки.

– Приму к сведению, – киваю Артуру с преувеличенной сердечностью, – прямо сегодня начну искать подходящего. Если у вас есть кто-то на примете, буду благодарна за рекомендацию. Только прошу учитывать мои финансовые возможности. Они имеют определенные ограничения.

– В смысле? – непонимающе переспрашивает Тагаев.

– В смысле, что Андрея Шевченко и Криштиану Роналду я не потяну, – объясняю, а он вдруг запрокидывает голову и начинает смеяться.

Как тогда, на берегу… Сердито одергиваю себя. Если я постоянно буду вспоминать, что было на берегу, всем сделаю только хуже. Было и прошло.

– Я не предлагаю вам Роналду, – отсмеявшись, говорит Тагаев, – в моем клубе найдутся…

– Мне жаль, но в вашем клубе мы больше не занимаемся, – обрываю его, стараясь, чтобы мой голос не звучал как у недалекой обиженки.

– Нас выгнали, – подтверждает Давид и награждает фирменным тагаевским взглядом теперь уже бывшего тренера.

Артур недоуменно вскидывает бровь и оборачивается на Вадима Степановича. Тот начинает лепетать что-то в свое оправдание, но Тагаев его останавливает характерным жестом.

– Предлагаю перейти в помещение и обсудить детали.

Очень странно выглядит предложение обсудить детали высказанное жестким, не допускающим неподчинения тоном. И при этом все согласно кивают и покорно следуют за Тагаевым.

Зато для меня теперь не тайна, как мои сыновья умудряются в садике обменивать соленые огурцы на котлеты. И почему все беспрекословно с ними соглашаются, даже если эти огурцы терпеть не могут.

Тагаев шагает по полю, прижимая ко лбу пакетик со льдом. За ним вдогонку следуют его дети, и я с содроганием понимаю, откуда у них такая размашистая походка. Даже у Дианки.

На осинке не родятся апельсинки. Пускай осинка об этом и не догадывается…

Глава 3

От холода боль утихала, и даже получалось неплохо соображать. Но вести совещание, прижимая ко лбу пакет со льдом, не комильфо, так что пакет пришлось с сожалением отложить на край стола.

Тагаев к любому серьезному разговору относился как с совещанию. И пацаны его этим и зацепили. Казалось бы, мелочь, ему даже не по пояс, а с характером.

Артур сразу уловил в голосе мальчишки, засадившего ему в голову мячом, знакомые доминирующие нотки. Да еще и левая преобладающая! У обоих пацанов! И этот идиот Соболенко их выгнал?

Артур вошел в кабинет и сел за стол. Из свиты в кабинет были допущены заместитель и тренер. Остальные расположились в приемной, им же было поручено занять на время детей. Анастасия, мать уникальной парочки, нерешительно замерла посреди кабинета.

– Присаживайтесь, Анастасия, – Тагаев дал знак занять кресло напротив.

Девушка неторопливо подошла к столу, опустилась в кресло. Грациозно, но без лишнего жеманства. Артур даже невольно залюбовался, забывшись ненадолго. Потом опомнился.

– Так что там произошло, почему ваши сыновья утверждают, что их выгнали? – спросил, а сам не спускал с нее глаз. Показалось или она глубоко вдохнула, прежде чем поднять голову?

– Спросите у вашего сотрудника, Артур Асланович.

И при звуке ее голоса у него снова екнуло. Как и тогда, когда Тагаев ее увидел.

Ну как она может быть мамой этой троице? Такая худенькая, ее девушкой не назовешь, так и просится сказать «девочка», «девчонка». Да, скорее, девчонка. В джинсах, обтягивающих узкие бедра. Как там могли поместиться сразу трое детей?

Артур не особо интересовался деторождением, намного больше его интересовал предшествующий процесс. Остальное представлялось смутно и размыто. Детей у Тагаева не было, так что он понятия не имел, как и где они помещаются. Но эта троица его… зацепила, что ли.

– Простите, а мы с вами раньше не встречались? – вырвалось у него против воли. Сам не понял, почему спросил, но внутри что-то звенело, как натянутая струна. И от этого было неспокойно.

Анастасия застыла, как будто ее превратили в статую, но отмерла достаточно быстро и поспешно мотнула головой.

– Не думаю, Артур Асланович. Я не покажусь вам невежливой, если попрошу нас не задерживать? Детям пора обедать. Я стараюсь по возможности соблюдать режим.

– Нет, не покажетесь, – Артур постарался подавить недовольство. Она права. Это у него нет детей, он понятия не имеет, что их надо кормить, а тем более, когда. Он посмотрел на тренера. – Я вас слушаю. Почему мальчик сказал, что вы его выгнали?

Соболенко, оправдываясь и извиняясь, на десять минут развез проповедь о дисциплине. Он бы и на полчаса развез, но Артур не позволил. Дисциплина – вещь нужная и правильная, но зачем нужен тренер, который не в состоянии справиться с двумя пусть даже очень шустрыми пацанами?

– А вы что скажете? – обратился Артур к Анастасии. – Или лучше спросить вашего сына?

– Можете спросить Давида, – тут ее глаза блеснули, и наверняка это были последствия удара, потому что этот блеск Тагаеву показался мстительным. Но, конечно же, ему померещилось. – Из рассказа сына следует, что Вадим Степанович пытается переучить их и дает больше нагрузки на правую ногу. А мальчики считают, что тогда левая нога разучится. По крайней мере, я так поняла, – добавила Анастасия извиняющимся тоном, и Артур одарил Соболенко тяжелым взглядом.

– Это правда?

– Хороший футболист должен одинаково работать обеими ногами, – упрямо ответил тот.

Артур откинулся на спинку кресла. Идиот. Просто непроходимый идиот. Клинический.

– Ваш сын абсолютно прав, Анастасия, – сказал он после паузы. – Если обе ноги работают одинаково, это значит, что преобладающая нога не получила нужной нагрузки, ее возможности остались нераскрыты и неусовершенствованы. Физиологически правильно, если удар преобладающей ногой всегда сильнее. Вы такого не слышали, Вадим Степанович? Значит вам нечего делать на тренерской должности. Моего клуба так точно. Вы уволены.

Соболенко сердито зыркнул сначала на Артура, потом на удивленно распахнувшую глаза девушку и выскочил из кабинета.

– Ваш сын сам до этого додумался? – посмотрел Тагаев на Анастасию, сидевшую прямо как струна.

– Не думаю, – качнула она головой, – они смотрят ролики на ютубе, скорее всего, это оттуда.

– В любом случае, ваши сыновья уникальны, и я хотел бы поговорить с их отцом. Я могу с ним встретиться?

Договариваться с мужчиной Артуру было привычнее, да и, что ни говори, принимать решение о судьбе сыновей в первую очередь должен отец. Такие вещи ему с детства внушал его отец, Аслан Тагаев, и они были намертво вбиты в подкорку на подсознательном уровне.

Но вот тут Анастасия отреагировала странно. Очень странно. Облизнула сухие губы, как будто сутки провела в пустыне без воды. На щеках вспыхнули красные лихорадочные пятна. Взгляд сделался растерянным, словно Артур спросил не об отце детей, а в каком возрасте она лишилась девственности. Или какую позу предпочитает. Интересно только, почему ему это вообще пришло в голову?

А потом повернула голову и посмотрела в зеркало, висящее справа от Артура. И он тоже в него посмотрел. Их глаза встретились в отражении, и внутри снова зазвенела натянутая струна. Потому что она будто ударила его взглядом.

– Нет, не можете. Я мать-одиночка.

Она произнесла это таким тоном, будто признавалась, что стоит первой в очередности наследования на британский трон. С гордостью. А шокированный Артур не знал, что ответить.

Эта худенькая молодая женщина, совсем еще девчонка – мать-одиночка? Она сама каким-то образом выносила, родила и вырастила этих троих детей? Двух мальчиков и девочку. С ума сойти…

– Хорошо, – наконец, он обрел дар речи, – тогда давайте решать с вами. Я бы сам тренировал ваших сыновей, но, к сожалению, в ближайшее время я буду занят, а потом уеду. Как насчет переезда в Европу?

– Исключено, – покачала головой Анастасия и облизнула все еще сухие губы. – У меня в столице бизнес.

– Значит, будете заниматься здесь. Оставьте ваши координаты моему заместителю, он с вами свяжется, – Тагаев посмотрел на своего исполнительного директора, и тот понимающе кивнул в ответ.

– Все мои данные есть в анкетах моих сыновей, я заполняла перед началом занятий.

– Отлично. Вот, возьмите, – он протянул свою визитку, – можете звонить по любым вопросам.

– Спасибо, – Анастасия взяла визитку и оглянулась на генерального. – Артур Асланович, а можно просьбу?

Она снова оглянулась на генерального, и тот, закашлявшись, вышел из кабинета. Понятливые у него заместители!

– Я вас слушаю? – Артуру вдруг стало интересно.

– Понимаете, – девушка взволнованно отвела глаза, – я хотела попросить… Вы, конечно, можете смеяться, но… Для нее это очень важно, правда. Она очень ранимая…

– Да говорите уже! – не сдержался Тагаев. – Кто она?

– Дианка. Моя дочь.

– Третья «Д»? – при воспоминании о девочке Артуру захотелось улыбаться. Все-таки замечательные дети у этой Анастасии, матери-одиночки, надо же… Он бы не отказался, чтобы его дети, если они будут, получились похожими на эту чудную троицу. – Так что я могу сделать для Дианки?

– Скажите ей «спасибо» за сок, пожалуйста, – Анастасия сложила ладони лодочкой, а Артур решил, что ослышался.

– Сок? Какой сок?

– Понимаете… Она вас пожалела, она очень добрая девочка. Захотела помочь. Лед, замороженный сок… Я, конечно, ей куплю еще, но для нее очень важно знать, что вы оценили.

И когда он понял, кровь прихлынула к щекам и ударила в голову. Безмозглый неблагодарный чурбан. Как он мог забыть? А Анастасия тем временем продолжала еле слышно:

– Вы просто все внимание уделяли мальчикам, а она ждала… Понимаю, что вы не нарочно, но я учу их… это важно…

Она подозрительно часто моргала, и Тагаев с удивлением понял, что девушка сейчас расплачется. И почувствовал себя полным днищем.

– Конечно, – остановил он ее, – простите меня, я не хотел обидеть вашу девочку. У меня нет детей, поэтому я понятия не имею, как с ними себя вести.

И снова она как будто ударила его взглядом. Не просто ударила, а убила. Какая же она все-таки странная, эта Анастасия.

Но Артур не мог долго размышлять над ее загадочностью, он и так потерял уйму времени. Вышел из кабинета и напоролся на три пары внимательных глаз. Зеленых, как у их мамы.

– Ну что, парни, давайте прощаться, – он по очереди протянул руку сначала одному, потом второму. – Данил, Давид…

– А вы что, нас различаете? – удивленно спросил Данил. Ну да, Данил.

– Или вы угадали? – в упор уставился на него Давид, и этот взгляд показался Артуру подозрительно знакомым. Только откуда?

– Да нет, – пожал он плечами, – вы похожи, но не настолько, чтобы я не мог вас отличить.

Тагаевская свита с охраной удивленно переглянулись, но Артуру было не до них. Он смотрел на стоящую чуть в стороне девочку, которая старательно

рассматривала стенку. Какой же он все-таки безмозглый осел!

– Будете тренироваться дальше, вам подберут другого тренера. И разрабатывать надо обе ноги, вы были совершено правы. Дианка, – Тагаев повернулся к девочке и присел перед ней на корточки, – твой лед оказался волшебным, у меня уже ничего не болит. Я благодарен тебе, что ты меня вылечила, и теперь я должен тебя отблагодарить. Предлагаю пойти в одно сказочное место, где есть много мороженого.

И понял, что за радость, вспыхнувшую в зеленых глазках, готов отдать многое.

– А Данила с Давидом возьмем? Они тоже любят мороженое!

– Обязательно возьмем. Если мама отпустит.

– Отпустит! – малышка радостно захлопала в ладоши. – А вы придете посмотреть, как я буду петь?

– Конечно, – сейчас Артур готов был подписаться на что угодно. Даже на участие в поднятии со дна «Титаника». – Ты только мне напиши, у мамы есть мой номер.

– Дети, Артур Асланович торопится, а нам пора домой, обедать, – прервал их негромкий голос, низкий и немного сиплый. И снова Тагаеву он показался знакомым.

Но он поспешно поднялся и отошел в сторону, пропуская Анастасию к детям. Им и правда пора, и ему пора, хоть у него совсем другие заботы. У него нет троих детей, которых надо везти на обед.

И совсем ненадолго, буквально на мгновение, ему стало жаль, что их у него нет.

* * *

– Бубочка моя! – восторженно восклицает Стефа, протягивая руки к Давиду. – Так тренера уделал! Иди скорее, Стефа тебя поцелует!

Давид с серьезной мордашкой подходит к Стефе, и та его тискает как котенка. Он делает вид, что терпит, но ему нравится, я же знаю.

Мой выдержанный мальчик на самом деле самый ранимый из них троих. Он ни за что не покажет, что ему плохо или больно. Он будет терпеть, сжимать зубки, но не заплачет. И при этом любит обниматься, наверное, даже больше, чем его сестра.

Только показывать не станет, наоборот, будет супиться и хмурить бровки. Я раньше все гадала, у кого он унаследовал эту черту характера. Данил совсем другой, я их и различаю часто благодаря мимике лица и проявлениям чувств.

Данька – взрыв эмоций, настоящий действующий вулкан. Он когда улыбается или смеется, у всех окружающих губы сами собой плывут в улыбке.

Когда я выгуливала их в трехместной коляске, Давид с Дианкой сидели с видом маленьких царьков – надутые и важные. Зато Данил сиял, демонстрируя встречным прохожим прорезавшиеся зубки. И заслуженно собирал встречные улыбки.

Моя мама была такая, они со Стефкой в этом похожи. Отца я помню хуже, но тетка утверждает, что он был весельчаком и балагуром. По ее словам, свой острый язычок я унаследовала от отца. А Давид…

Когда я поймала на себе внимательный испытующий взгляд Тагаева, поняла, что, похоже, нашла ответы на свои вопросы.

Сегодняшняя встреча не идет у меня из головы. Я не могу сказать Стефе, что тот самый благородный владелец клуба, уволивший тренера – Тагаев. Боюсь, она не сумеет сдержаться при детях. И пока она шумно восхищается Давидом, я думаю.

До сегодняшнего дня я ничего не знала о Тагаеве. Я не следила за ним в соцсетях, я не мониторила в интернете его достижения в бизнесе. Когда-то я дала слово разлюбить его, и у меня получилось.

А все равно утратила самообладание. Я все заметила, у меня же есть глаза. Из привлекательного парня Артур стал красивым молодым мужчиной. И даже

здоровенная гематома на лбу его не испортила. И пакет со льдом тоже.

Мне нравятся стильные мужчины. В том кругу, в котором нам со Стефой в последнее время приходится вращаться, такие в большинстве своем и есть. Особенное эстетическое удовольствие я получаю, когда мужчина одет в классический костюм, именно поэтому мы сотрудничаем с марками, которые не шьют мужские костюмы, а создают.

Но Тагаев в костюме – это настоящий эстетический экстаз. Я не видела никого, кто умел бы их так носить. Поэтому ту бурю, которая поднялась во мне, когда я посмотрела в глаза Артура, постаралась списать именно на это.

Только было еще кое-что. Пять лет назад Артур хладнокровно отправил меня на аборт. Пусть не сам, но он молча наблюдал, как это делает его мать. И наверняка выделил ей деньги. Так почему тогда он принял такое живое участие в чужих ему, как он думает, детях?

Это не давало мне покоя.

Что изменилось? Это не обычная вежливость, и даже не интерес к способностям мальчиков, которые так неосторожно проявились в них от отца. Дианка. Он так странно отреагировал, когда я, ломая язык, попросила его поблагодарить ребенка. Было чувство, что ему стало стыдно. И что ему не все равно.

Разрыв шаблонов, как сказала бы Стефка.

Артур не узнал меня, это точно. Мы позаботились о том, чтобы Тагаевы не нашли Настю Полетаеву. Я сменила фамилию на мамину девичью, и теперь мы со Стефкой на одной фамилии. Мои дети – Савицкие, и я тоже. Отчество я им дала свое, мой папа не отказался бы от внуков. Поэтому они – Андреевичи.

Но перед глазами стоит виноватое, растерянное лицо Артура, когда я прошу за Дианку, и мысли снова пускаются по кругу по одной и той же заезженной колее.

Стефа видит, что со мной творится что-то не то, и как только дети укладываются спать, цепляется мертвой хваткой.

– Настька, говори. Ты что, привидение сегодня увидела? Как с креста тебя сняли.

– Почти, – устало отмахиваюсь, и все же я очень рада, что есть с кем поделиться, иначе мой мозг уже давно бы взорвался. – Стеф, это Тагаев. Новый владелец клуба – Артур.

– Ммм… – мычит моя бедная тетка, не в силах выговорить ни слова. Я в ответ утвердительно киваю.

– Да. Он самый.

– Туши свет! – восклицает она, спустя некоторое время. – Погоди, так это что, Давидка папашу своего мячиком по лбу приложил?

Я снова киваю, и она радостно хихикает. Потом спохватывается.

– Прости, деточка, это истерика, – говорит потерянно, а потом снова начинает хихикать.

Молча встаю, наливаю в стакан воду и капаю туда сердечные капли. Секунду раздумываю и достаю второй стакан. Мое сердце сегодня тоже нуждается в поддержке. Так и сидим со стаканами в руках.

– Он сказал, что уедет. Он в Европе вроде как живет, – говорю спустя некоторое время. – Нас туда звал. Сказал, сам бы мальчиков тренировал.

– Паразит, – еле слышно отзывается Стефа.

– У него оказывается тоже левая нога толчковая, представляешь? Как у Дани с Давидом.

– Гены пальцем не задавишь, – изрекает Стефания, и мы снова молчим.

А что тут скажешь? Да и не хочется. Но я все равно рада, что есть с кем вот так помолчать. И выпить сердечных капель.

Глава 4

– Артур Асланович, гонконгский офис на связи, они ждут подтверждения, – секретарь нетерпеливо переступила с ноги на ногу. Подождала и окликнула: – Артур Асланович! У них рабочий день заканчивается…

Тагаев как очнулся.

– Простите, Катрин, я сегодня торможу. Завтра все подтвердим. А пока пускай идут по домам.

Секретарь все еще стояла на пороге.

– Катрин, что-то еще?

– Артур Асланович, вам бы отдохнуть. Может, подобрать что-то на недельку?

– Спасибо за заботу, но пока не до отдыха. А кофе можно.

Катрин вышла, аккуратно прикрыв дверь, и Артур откинулся на спинку широкого кресла. Удобного, как любят говорить, эргономичного.

Что-то он в последнее время часто начал подтормаживать. Может, и правда на отдых? Уже неделю, как он вернулся в Вену, а на душе будто кошки скребут. Будто он что-то упустил.

Тагаев с досадой потер переносицу. Да знает он, что упустил. Он не сдержал обещание, которое дал маленькой девочке. Дианке. Пообещал сводить ее и братьев поесть мороженого и не успел. Каждый день собирался, а дел с каждым днем становилось все больше. Так что слово он так и не сдержал.

Открылась дверь, и в кабинет вошел их новый главный сисадмин. Мужчина работает с понедельника, и Артур понял, что не помнит его имя. Кстати, соотечественник. Зато новый сотрудник имя босса запомнил.

– Артур Асланович, вы меня звали?

– Да, мне понравилась ваша новая концепция защиты данных, хотелось бы теперь остановиться на некоторых моментах подробнее, – Тагаев быстро связался в мессенджере с Катрин, спросил имя парня. Ответ пришел мгновенно. Илья Эдуардович Рыбак, отлично. – Я вас внимательно слушаю, Илья Эдуардович.

Разговор получился содержательным и результативным, Артур остался доволен. Дал задание Илье подготовить презентацию к четвергу и выступить на совете директоров.

– Я рад знакомству и рад, что вы теперь с нами, – Тагаев протянул Рыбаку руку.

– Я тоже рад, – Илья с улыбкой ответил на рукопожатие, – а с вами мы познакомились раньше. Вы не помните, нас сначала всех в одну клинику привезли после аварии? Ну когда ваша яхта нам в зад въехала.

– Вы были среди отдыхающих?

– Да, мы с женой тогда в свадебное путешествие отправились, в круиз на «Perla del Mar». Гнилое корыто, хозяин жлоб. Нас спасло только то, что это был медовый месяц.

– Я вас не помню, – извиняющимся тоном сказал Артур.

– Ну да, неудивительно, там такое в воде творилось, такая каша… А вас одна из наших официанток спасла, кажется, Настя. Какая только, не помню.

– Она одна была, – Тагаев сам не понял, почему сердце взвилось вверх и застучало в висках молоточками.

– Да нет же, две, – Рыбак смотрел честными, правдивыми глазами, и сердце упало вниз. – Это я точно помню. Две их было, и обе Насти.

– А как… – на Тагаева вдруг напал приступ сильного кашля, и Илья терпеливо ждал, пока босс прокашляется. – А какая фамилия была у второй девушки. Если

вы не путаете, и их было две. Одна Никитина, а вторая?

– Точно не путаю, – уверенно проговорил Илья, – хоть они и похожи были, и имена одинаковые, а девушки сами как небо и земля. Одну, правда, я слышал, называли Асей, чтобы их не путать, так там не спутаешь даже если захочешь. У меня жена Настя, и она терпеть не может, когда ее Асей зовут. Вот и мы не называли. А фамилий я не знаю, зачем мне.

Стены офиса качнулись, и Артур уперся руками в стол.

– По фото узнали бы?

Сотрудник пожал плечами.

– Да кто знает. Пять лет прошло, Мы всего-то с неделю успели отдохнуть, как их запомнишь? И у меня медовый месяц, я кроме своей жены никого не видел и не смотрел даже. Девушки светленькие обе, щуплые. Может, и узнал бы, но не уверен. У меня на лица плохая память.

Артур отпустил Рыбака, а сам вызвал начальника службы безопасности. От Михаила он избавился через полгода, как вступил в наследство – сделал личным охранником матери. Было сложно, но результат того стоил. Михаил ему не нравился.

Нынешний глава СБ не был другом семьи, зато свои должностные обязанности выполнял ответственно и результативно. И этого Тагаеву было вполне достаточно.

– Выясните, действительно ли на «Perla del Mar» было две официантки. И если да, то ищите вторую. Никитину обязательно найдите, пусть она нам расскажет, сколько их работало на гулете, – распорядился Артур и, когда эсбэшник ушел, понял, что у него подрагивают пальцы.

Еще тремора не хватало…

Встал и подошел к окну. Почему он так напрягся? Даже если Насти было две, то кто сказал, что «его» Настя – это не Никитина, а вторая? И почему она в таком

случае не заявила о себе?

Они тогда косяками перли, эти его спасительницы, как рыбы на нерест. Она бы смогла дать о себе знать – в прессе, в интернете, в соцсетях.

И что для него в принципе это меняет? Ничего.

Раздался сигнал вызова, Артур принял звонок.

– Да, дорогая, говори.

* * *

Артур давно уехал из города, а я все еще с опаской выхожу из дома или офиса, предусмотрительно оглядываясь по сторонам. Хотя и нет никаких причин ожидать, что Тагаев подстерегает меня, прячась за деревьями, все равно не могу отделаться от мысли, что наша встреча была неслучайной.

Дети о нем не вспоминали, разве что Дианка вздыхала что ее так и не отвели поесть мороженого. Но надо отдать должное, Тагаев перезвонил и извинился.

Мой номер наверняка нашел в анкете в клубе. Я его визитку выбросила в урну, как только вышла из спорткомплекса. Незачем мне ему звонить и не о чем разговаривать. Так что ни к чему лишние соблазны.

В остальном Артур слово сдержал. Мальчики теперь занимаются с личным тренером. После каждой тренировки мы со Стефой терпеливо выслушиваем как они расхваливают Максима Сергеевича, а иногда даже порываются продемонстрировать свои достижения наглядно.

– Не надо, мы вам верим, – поспешно отказываюсь я, помня во что превратилась наша предыдущая люстра после таких демонстраций.

Стефка далеко не так категорична.

– Подумаешь, – машет она рукой, – таких люстр у нас будет еще с десяток, а такие дети одни. Кто ж их еще выслушает, если не мать с теткой?

Дети хоть и знают, что Стефа почти как бабушка, только двоюродная, но никому и в голову не приходит ее так называть.

– Какая она вам бабушка! – возмущаются мальчики, когда в садике пытаются выяснить, кем приходится им Стефания. – Она Стефа!

Паркуюсь у салона, который расположен на красной линии почти в центре города. С недавних пор можем себе это позволить. Наш свадебный салон один из самых престижных в городе, поэтому мы обязаны держать лицо.

Первый год жизни малышей я помню смутно, расплывчато, и единственным ярким воспоминанием остается мое постоянное желание выспаться. И это при том, что у нас была приходящая няня и помощница по хозяйству.

Дети болели, у них резались зубки, они спали по очереди, и когда я сейчас смотрю видео первого года их жизни, удивляюсь, что выгляжу там не как восставшая из мертвых, а вполне себе живенько. И даже улыбаюсь. Наверное, на адреналине.

Стефа тем временем наводила мосты. Мы составили подробный список услуг, которые хотели бы оказывать, а рядом прописали организации, с которыми хотели бы сотрудничать.

Дальше Стефа, продолжая бегать по ученикам, с упорством прущего напрямик танка искала выходы на людей, которые бы могли нам в этом помочь.

Когда дети подросли, я вернулась на заочное обучение и стала помогать Стефе. Взяла на себя всю работу, связанную с разговорами и звонками, а Стефа ездила на переговоры. Пока однажды она не заболела и не осталась с детьми, и мне пришлось ее заменить.

Неожиданно для всех, а в первую очередь для себя, я выторговала такие шикарные условия, что Стефка только рассеянно хлопала глазами.

– Ну все, Настюш, – сообщила она, – ноги моей больше не будет ни на одной встрече. Ты посмотри, как ты их загрузила, что они даже страховку на себя взяли! Да у тебя просто уникальный дар убеждать!

Это оказалось правдой. Теперь я знаю, что, если захочу, антарктические пингвины подпишут со мной договор о поставке им льда и снега на максимально выгодных для меня условиях. Самовывозом.

Мы долго обсуждали концепцию салона. Я предлагала втискиваться в средний уровень ценового сегмента, но Стефа была против.

– Знаешь, что я тебе скажу? Конкуренция здесь большая, в среднем сегменте не протолкнешься.

– И что ты предлагаешь? – в глубине души я была согласна с теткой.

– Нам не нужна массовость. Нам нужен эксклюзив. Пара должна прийти к нам и увидеть, что такого больше нигде не предложат.

В этом я тоже была согласна, люди с деньгами любят быть уникальными. И за свою уникальность они готовы отваливать сумасшедшие деньги.

Надо ли говорить, что свой салон мы назвали «Три D»?

Никогда не забуду нашу первую свадьбу. Мы со Стефой не спали и не ели, наша няня дважды уволилась и дважды вернулась обратно, но зато мы потом ошалело смотрели на выписку счета в банкинге, куда поступали проценты от всех организаций, с которыми мы сработали. От ресторана, от туроператора, от цветочного бутика, салона красоты и т. д.

И это с учетом того, что с молодоженов мы не взяли ни копейки, сделали подарок к открытию салона. Нам с лихвой хватило отчислений наших партнеров.

– Стефа, – пошептала я ошарашенно, глядя на конечную цифру, – у нас получилось!

– Нет, Настя, – сказала она строго, – это мы просто не облажались. Но теперь нам нужен свой цветочный бутик и свои мастера, как минимум. Рестораны мы, думаю, не потянем. Пока.

Так мы начали двигаться к успеху короткими, но уверенными шагами. Нам не хватало рекламы. В городе нас знали и хвалили, советовали друзьям и знакомым, но это все не то.

«Цыганская почта – это не промоушн, Настя», – заявила мне Эвангелина Ямпольская[1 - Эвангелина Ямпольская – главная героиня романа «Он тебя не любит (?)»], с которой я познакомилась на одной из фототусовок, когда искала для сотрудничества толкового фотографа.

Сначала я не знала, кто она. Худенькая девушка в джинсах с фотокамерой. Мне понравились ее работы, и я предложила поработать на нас со Стефой. Девушка засмеялась и пообещала подумать. И только потом мне стало известно, чья это жена.

Земельного магната, у которого по слухам даже на Луне имелся участок. Насчет Марса информация была противоречивой. А уж чья она дочь, лучше было не думать. Эвиному отцу принадлежал не только город, а вся энергетическая и индустриальная система страны.

Эва похвалила нас за креативный подход к предлагаемым услугам и посоветовала принять участие в марафоне свадебных компаний. Для промоушена предложила поработать с Доминикой Большаковой[2 - Доминика – главная героиня трилогии Дины Ареевой «Талер и Доминика».], и вот тогда мы поймали джек-пот.

Наш салон стал победителем марафона и приобрел небывалую популярность. К нам стали записываться заранее, иногда предварительная запись доходила до полугода. Мы со Стефкой только моргали. А после того, как наш салон организовал и с блеском отработал свадьбу самого Ямпольского[3 - Арсен Ямпольский – главный герой романов «Он тебя не любит (?)» и «Найди меня, Шерхан»], мы со Стефой стали на разрыв. К нам даже из других стран стали обращаться.

Сегодня мы ждем клиентку, которую Стефания предложила взять без очереди.

– У нее двадцать миллионов подписчиков в инстаграме, Настюш! Надо быть полными идиотами, чтобы такую прохлопать!

Кстати, как только мы заработали первые деньги, Стефа убрала свой шрам, осталась тонкая красная полоска, которая со временем становилась все бледнее и незаметнее.

Ставлю машину на сигнализацию и поднимаюсь в офис. До встречи десять минут, но я всегда приезжаю раньше. Стефа должна быть тут.

Иду и не понимаю, отчего так волнуюсь. А сердце стучит в ускоренном темпе, как будто я пробежала стометровку.

Берусь за ручку и решительно открываю дверь.

Глава 5

Стефа уже на месте. Она быстро сует мне в одну руку распечатку из интернета, а в другую чашку с кофе. Так я лучше соображаю.

У меня десять минут, чтобы получить хоть какое-то представление о нашей потенциальной клиентке. Если я ее «просканирую», сделка, можно считать, у нас в кармане.

Мне надо знать ее вкусы и предпочтения, чтобы предложить локацию для проведения свадьбы. Формат торжества и вечеринки. Ведущего, приглашенных звезд, меню и цветовую гамму для оформления.

Я не могу себе позволить вываливать на будущую невесту тонны информации, в которой она, скорее всего, захлебнется и утонет. А потом убежит от нас, как любит говорить Стефа, теряя тапки.

Нет, нужно предложить ей точечную выборку. Но это должно быть стопроцентное попадание, от которого она будет восторженно хлопать в

ладоши и прыгать, как моя Дианка, когда ей выпадает в киндер-сюрпризе недостающая в коллекции фигурка.

Мы со Стефкой можем исполнить любой каприз и отработать свадьбу в любом уголке планеты. Даже в кратере вулкана Эйяфьятлайокудль или в Марианской впадине, если наши клиенты экстремалы.

Если они поклонники сериалов, мы предложим двадцать самых впечатляющих локаций съемок «Игры престолов».[4 - «Игра престолов» – американский телесериал в жанре фэнтези.] Для особо эксцентричных – локации съемок «Игры в кальмара».[5 - «Игра? в кальма?ра» – южнокорейский веб – сериал в жанре выживания.]

Главное, понять, что для невесты – а зачастую выбирает именно она – важнее: чтобы дорого и престижно или чтобы дорого и романтично. Чтобы дорого, это для наших клиентов всегда обязательно и не обсуждается.

Если первое, я предлагаю мексиканский Лос-Кабос, виллу Пиццо на озере Комо, замок Латреллстоун в Ирландии или палаццо шестнадцатого века в Венеции. И уточняю ненавязчиво, кто именно из знаменитостей и когда сыграл здесь свою свадьбу со своей половинкой, и теперь живет долго и счастливо.

Если второе, то там еще проще. Острова – Бали, Бермуды, Гавайи, Мальдивы. Удивительный Маврикий. Замки Франции. Белоснежный дворец Тадж в Индии. Дворец Альгамбра в Испании…

Пробегаю глазами по распечатке и торопливо пью обжигающий кофе. Похоже, нам со Стефкой попался первый вариант.

Двадцать миллионов подписчиков в инстаграм Ариана Шульгина собрала благодаря своему участию сразу в нескольких экстремальных реалити-шоу. Папа – нефтяной магнат – шел приятным бонусом к популярности дочери. Хотя готова спорить на салон, что он и был спонсором всех этих реалити-шоу.

Значит, точно первый вариант.

Меня начинает потряхивать. К свадьбе нефтяной принцессы, признаюсь, я готова не была. Ямпольский тот хоть и оружейный магнат – по слухам, конечно же – но в жизни оказался немногословным и непритязательным. Свалил всю организацию на родственниц и только оплачивал счета.

Свадьбу Ямпольские пожелали камерную, на несколько десятков человек. И невыездную, потому что их сыну тогда было всего несколько месяцев. Можно сказать, легкая прогулка, а не подготовка к свадьбе.

Я представила себе список гостей нефтяной принцессы и принялась обмахиваться распечатками как веером. Может, отказаться? Придумать какую-нибудь отмазку?

– Стеф, давай спрыгнем, а? – поднимаю на тетку жалобный взгляд.

Но мне не везет. Стефания сегодня на редкость несговорчива и непреклонна.

– Давай. И можно сразу закрываться. Ты представляешь, какую антирекламу она нам сделает? Не спасут никакие марафоны.

– Облажаемся, чует мое сердце! – бубню угрюмо.

– Ты каждый раз так говоришь, – Стефа отбирает у меня распечатки и сама начинает обмахиваться. – А потом все происходит по высшему разряду. Успокойся и дыши. Идем встречать Ариану.

Дети только вчера заставили меня в стотысячный раз посмотреть с ними мультик «Мадагаскар». Что ж, любимые пингвины моих тридэшек сейчас пришлись бы кстати.

– Шкипер, а может сказать им, что топлива у нас не осталось?

– Нет, улыбаемся и машем, парни. Улыбаемся и машем.

Уныло плетусь следом за этой черствой женщиной – моей теткой, но на пороге выпрямляю спину. Ладно, начнем обсуждать локации, а там как-то вырулим. А вдруг нам повезет, и мадемуазель Шульгина окажется такой же непритязательной как олигарх Ямпольский?

– Здравствуйте, – приятная улыбка, очаровательные ямочки, – меня зовут Ариана Шульгина. Я так признательна, что вы пошли навстречу моей просьбе!

Блондинка. Почти такая же как на фото, значит не любительница приукрасить себя с помощью фильтров. Так что вполне возможно, что это вариант номер два.

У меня немного отлегает от сердца. Ариана улыбается обезоруживающе приветливо. Может, пронесет?

Усаживаем гостью на мягкий диван, я включаю экран на полстены. Виды должны впечатлять.

Секретарь приносит белый чай – Стефа уже выяснила, что наша девушка предпочитает белый. А дальше начинается допрос с пристрастием.

Ариана подготовилась неплохо, работать с таким клиентом – одно удовольствие. Но когда дело доходит до локаций, она впадает в ступор. Потому что на повестке дня у нас – дорого и романтично.

– Не знаю, – растерянно смотрит она то на Стефу, то на меня.

Мы тоже не знаем. Комиссионные все платят по единому тарифу, так что для нас не имеет никакого значения, дворец Альгамбра или «Игра престолов».

– Может, вам стоит посоветоваться с женихом? – ласково спрашивает Стефа, подливая Ариане чай. Та послушно кивает и достает телефон.

– Дорогой, ты где? Мне нужна помощь. Можешь подъехать? Где… сейчас уточню адрес… Геолокация включена. Да, свадебное агентство. «Три Д», я тебе говорила… Сейчас будет, – она обводит нас сияющим взглядом, – он вечно занят, мне повезло!

Мы со Стефой дружно тянем губы в улыбке. Нам ли не знать, как способны вынести мозг мужчины, если вдруг входят во вкус и втягиваются в процесс подготовки к свадьбе.

– Вы с будущим мужем кто по гороскопу? – интересуется Стефа, а я выхожу в холл позвонить няне, чтобы она подстраховала с детьми. Кто знает, на сколько мы здесь застряли?

За спиной хлопает входная дверь, секретарь приветливо щебечет. Ей отвечает низкий мужской голос.

– Меня ждут. Здесь моя девушка, Ариана… – бьет меня внутри тяжеленным молотом. – Анастасия? Что вы здесь делаете?

Медленно оборачиваюсь. Сглатываю, но тугой ком намертво застряет в горле.

Хочется убежать. Проскочить мимо, распахнуть дверь и бежать, куда глаза глядят. Но я не бегу, а лишь смотрю на мужчину, который умеет носить костюмы так, как больше никто в мире не умеет.

Посреди холла стоит и смотрит на меня изумленным взглядом Артур Тагаев.

«Улыбаемся и машем, парни. Улыбаемся и машем».

* * *

– Для начала, здравствуйте, – отвечаю холодно, сохраняя спокойствие. – А делаю я здесь, полагаю, то же, что и вы.

И вижу, как округляются его глаза.

– Вы выходите замуж? А дети?

Только сейчас до меня доходит, как недвусмысленно прозвучали мои слова. Ведь я хотела сказать, что мы с ним здесь оба из-за его женитьбы. А он решил, что я

выхожу замуж, и так изумлен, будто я ущербная какая-то. Будто мне и замуж нельзя пойти.

Становится обидно и одновременно просыпается злость. Ему, значит, можно жениться, он у нас мужчина свободный и одинокий, а у меня, значит, дети? И я ещё его женить должна? Ну, Тагаев, мало тебя наш сын приложил. Обойдешься.

– Я имела в виду, Артур Асланович, – отвечаю еще холоднее, – что я здесь, потому что я вас женю. И поверьте, мои дети совершенно этому не помеха. Этот салон – мой.

– Ваш? – он таращится на меня с таким потрясением, что меня еще больше заедает.

Закусываю губу, лихорадочно соображая, что бы ему такое ответить, как тут он бросает взгляд на буклет на столике и шокировано восклицает:

– «Три D»??? Ваш салон называется «Три D»???

С достоинством сдерживаю возмущение. И с таким же достоинством произношу:

– Что вы так кричите, Артур Асланович? Послушать вас, мой салон называется, как минимум, «Горячая штучка» или «Запретные желания»!

Тагаев вдруг запрокидывает голову и начинает смеяться. Громко и заразительно.

– Простите, – стонет он, вытирая уголки глаз у переносицы, – я просто представил, будь у вас такое название, чем бы вы украсили свадебную арку. А про остальной декор вообще молчу.

И продолжает смеяться.

– Очень за вас рада, – говорю с плохо скрытым ехидством, – я вот к, примеру, слабо представляю. Знаете ли, я не завсегдатай подобных заведений, и их ассортимент мне не знаком.

– Анастасия, – вдруг перестает он смеяться, подходит почти вплотную и смотрит на меня со всей серьезностью, – мы с вами точно нигде не раньше не встречались? Ваша манера разговаривать… У меня стойкое ощущение дежавю.

И тут я не на шутку пугаюсь, даже язык прикусываю. Ну не дура?

– Неудивительно, – пожимаю плечами, поглубже заталкивая страх, и отступаю на шаг, – после того, что с вашим лбом сделал мой сын. А вообще, знаете, что, Артур Асланович? Наверное, я погорячилась, согласившись устраивать вашу свадьбу. Я как раз просматривала график, он настолько плотный, что, пожалуй, вам лучше обратиться в другое агентство. Я даже дам вам рекомендацию…

– Арчи, дорогой! – в холл входят Ариана со Стефанией. Воздушная Ариана феечкой скользит к Тагаеву и кладет руку ему на локоть. Оборачивается к нам. – Позвольте представить, это мой жених, Артур.

– Мы знакомы с Артуром Аслановичем, – сдержанно киваю, стараясь не смотреть на вытягивающееся лицо Стефании. – Мои сыновья занимаются футболом в его спортивном клубе.

– Ой, как мило, – всплескивает руками Ариана, – у вас трое детей, Анастасия, верно? Я читала ваше интервью, это так очаровательно! Два мальчика и девочка! Ты видел их, милый?

– Меня очень впечатлили дети Анастасии Андреевны, – с серьезным видом заявляет Артур, не сводя с меня сверлящего взгляда.

Стефка, Бога ради, ну закрой же ты рот!

– Ри, ты зачем просила приехать? – Тагаев высвобождает локоть и стряхивает с рукава пиджака невидимые пылинки. Смотрите, какой аккуратист, оказывается…

– Мы стали предлагать Ариане локации, и она растерялась, – отмирает Стефания, и я с благодарностью смотрю на тетку. – Потребовалась помощь зала!

– Локации? – переводит недоуменный взгляд со Стефки на невесту Артур. – Какие еще локации? Чем тебе не подходит мой остров?

Ух ты! У него еще и остров имеется?

Мы со Стефой переглядываемся, но не вмешиваемся, а Тагаев с трудом сдерживает недовольство.

– Но милый, – распахивает прекрасные голубые глаза Ариана, – я думала, на острове пройдет помолвка, а само бракосочетание мы отпразднуем в каком-нибудь замке. Если и помолвку, и свадьбу праздновать в одном месте, то как потом на фото или в записи можно будет их различить?

– Ри, – теперь Артур не скрывает раздражения, – я сто раз повторял, что на острове отлажена система безопасности. Если выбирать любое другое место, там надо все прорабатывать по новой. Хочешь, пускай, но будь готова, что свадьба отложится минимум на полгода.

– Вот и отлично, – подаю я голос, – а через полгода у нас как раз все забито. Самый бум. Так что я вам порекомендую другое агентство, это наши конкуренты, но для вас я лично переговорю с владельцем.

– Мне так понравился дворец в Индии, – жалобно смотрит на Артура Ариана. – Представляешь, он весь белый и стоит прямо посреди озера. Там во внутреннем дворе чудесный пруд с лилиями, и я уже представила, как красиво будет смотреться свадебная арка на фоне пруда. На ней будет написано «Ри и Арчи».

– Согласна, это будет незабываемое зрелище! Особенно, если ее соответствующе украсить, – говорю, с милой улыбкой глядя на Тагаева. – Наши конкуренты справятся, обещаю.

Тагаев со странной гримасой запрокидывает голову и начинает старательно рассматривать потолок. И я понимаю, что он едва сдерживается, чтобы не рассмеяться.

– Может, вернемся в кабинет и рассмотрим дворец подробнее? – бедная Стефа вообще не понимает, что происходит.

Ариана с готовностью кивает и идет в кабинет, Стефа спешит за ней. Я тоже разворачиваюсь, пряча телефон, как тут мне дорогу преграждает широкий торс.

Поднимаю глаза – надо мной с грозным видом нависает Тагаев.

– Не дождетесь! – шипит он, полыхнув опасно горящим взглядом. – Вы будете работать над этой свадьбой, ясно вам?

Только собираюсь ответить, как звучит сигнал вызова. Достаю телефон, и сердце привычно проваливается вниз. Воспитательница из садика.

– Анастасия Андреевна, Давид снова подрался с Иваном. У него разбита губа, срочно приезжайте, это третий раз за месяц!

– Хорошо, Зинаида Рудольфовна, я еду, – говорю, огибая мощную фигуру Артура, и направляюсь к двери.

– Я в садик. Скажете Стефании Демидовне, пусть не ждет, – бросаю на ходу секретарю и с колотящимся сердцем бегу к машине.

Глава 6

Прыгаю за руль, на ходу запуская двигатель. Он бодро урчит, но как только трогаюсь с места, машина несколько раз фыркает и глохнет.

Что за дела? Стучу по рулю, останавливаю и перезапускаю двигатель, и он с утробным стоном глохнет уже окончательно.

«Спокойно, Настя, держи себя в руках!» – говорю сама себе, делая несколько глубоких вдохов-выдохов. Выскакиваю из машины и захожу в приложение такси. Экран приветливо мигает и гаснет, на прощание витиеватыми буквами написав мне название бренда. Зашибись…

А вот нечего было делать из телефона роутер. Или хотя бы следовало взять с собой повербанк. Придется вернуться в офис и вызвать такси оттуда.

Иду быстрым шагом, запихивая бесполезный мобильник в сумку, попутно гадая, у кого из драчунов разбита губа. У Давида или у Ивана.

Ваня Исаев – рослый балбес, который повадился дразнить моих сыновей. У Данила хватает выдержки, на провокации он не ведется, зато Давид заводится с пол-оборота.

Вдвоем мои сыновья непобедимы, поэтому Иван выбирает моменты, когда Даньки нет рядом. Это бывает нечасто, но бывает. В этом месяце как прорвало.

Конечно, каждая мама горой стоит за своих детей, но я точно знаю, что Давид не задира. Каждый раз сын смотрит на меня моими зелеными глазами, светящимися как лазеры, и говорит:

– Мам, ну он же меня довел! Я его предупреждал!

И каждый раз я веду долгие беседы на тему, как нехорошо драться и что настоящие мужчины решают проблемы не кулаками. При этом Стефа сверлит меня уничтожающим взглядом и надувается как воздушный шарик.

Она в корне со мной несогласна. Стефа считает, что мальчикам следует подловить вредного Ваньку и навалять ему вдвоем от души. Но она ни за что не станет подрывать мой материнский авторитет и всегда сдерживается от резких высказываний при детях. Я за это ей очень благодарна, тем более что потом она все равно нашепчет им на ушко свои наставления.

Сыновья меня внимательно слушают, понурив головы, со всем соглашаются, а потом идут к Стефе обниматься. И затем все повторяется.

Я пыталась поговорить с мамой Вани, но там бесполезно.

– Мы воспитываем Ванечку по японской системе «икудзи», до пяти лет ему позволено все! – как отрезала мне выхоленная мадам Исаева. – Это вам следует приструнить своих избалованных детей, госпожа Савицкая!

Дорогу загораживает глянцевый черный корпус автомобиля. Хочу обогнуть его с капота, но автомобиль двигается вперед. Поднимаю голову и прямо перед собой вижу нахмурившегося Тагаева. Он сидит за рулем огромного как танк внедорожника, стекло дверцы опущено, мы смотрим в упор друг на друга.

– Я слышал ваш разговор. Садитесь, Анастасия, – командует Артур, – я отвезу вас в сад.

– Спасибо, вам незачем беспокоиться, – хочу обойти с другой стороны, но внедорожник отъезжает назад и снова перегораживает мне путь.

– Я увидел из окна, что ваша машина заглохла. Садитесь, – нетерпеливо повторяет он.

– Артур Асланович, – устало возражаю, но тут дверь распахивается, Тагаев спрыгивает с водительского кресла и цепко впивается пальцами мне в локоть.

– Быстро в машину, – он обводит меня вдоль корпуса, открывает дверь и чуть ли не заталкивает внутрь. И добавляет непререкаемым тоном: – Ваш сын разбил губу, а вы тут церемонии разводите.

Я возмущенно вскидываю голову, но автомобиль уже трогается с места.

– Вас не учили, что подслушивать нехорошо?

– Не поверите, учили, – невозмутимо отвечает он, держа руль одной рукой, при этом умудряясь лавировать между машинами с филигранной точностью.

Завистливо закусываю губу и едва сдерживаюсь, чтобы не шмыгнуть носом. Мне бы так научиться! А Тагаев тем временем продолжает на удивление без всякого ехидства.

– У вас высокая слышимость динамика. Я не нарочно, простите. Но ваши дети… – он умолкает, а потом договаривает странным тоном: – Они мне понравились.

– Там неизвестно, кто кому разбил губу, – отвечаю осторожно, оглушенная этим признанием. – Скорее всего, Давид Ивану.

– Кто есть Иван?

– Наш главный антагонист, – вздыхаю и вижу в стекло внутреннего обзора как Артур приподнимает бровь. Спешу пояснить: – Он все время задирает Давида. Когда мальчики вдвоем, он их не трогает, а самого Давида дразнит.

– Когда я был маленький, постоянно дрался в садике. Я был меньше всех ростом, и мне вечно доставалось, – вдруг говорит Артур, и мне становится нехорошо. Жаль, не додумалась прихватить с собой распечатки, даже нечем обмахнуться. – А почему вы не поговорите с родителями?

– Там бесполезно, – махаю рукой, – его воспитывают по японской системе, это когда детям до пяти лет можно все.

Артур скептически косится на меня и хмыкает. Я невесело хмыкаю в ответ.

– А есть какая-то причина, чтобы задевать Давида? – задает Артур вопрос, которого я больше всего боялась.

– Да, – отвечаю обреченно, – это касается их отца. Отца моих детей, – поясняю, натолкнувшись на немигающий взгляд в зеркале. – Дело в том, что я честно рассказала детям, что мы с их отцом разошлись еще до их рождения.

Я очень стараюсь, чтобы это не звучало жалостливо или грустно, меньше всего мне хочется, чтобы Тагаев мне сочувствовал. Но, наверное, у меня получилось плохо. Или вовсе не получилось.

– Он от них отказался? Добровольно? – допытывается Тагаев, и я в десятый раз жалею, что он услышал мой разговор с воспитательницей.

Не хочу лгать, но и правду говорить ему не собираюсь. Придется отвечать как можно более туманно и расплывчато.

– Да. Мы обо всем договорились. Он дал мне крупную сумму денег в обмен на то, что я больше не буду его беспокоить, – кажется, вышло максимально приближенно к действительности. Но Тагаев вдруг съезжает на обочину и останавливает машину.

– Что? – он сжимает руками руль и смотрит на меня с недоверчивым прищуром. – Вы хотите сказать, что он откупился от троих родных детей?

– Не от троих, – выбалтываю быстрее, чем соображаю, – от двоих. Первое УЗИ показало двойню. Мальчики раздвоились позже. Точнее, они раздвоились вовремя, но увидели мы только потом…

Ну кто меня за язык тянул? Осталось еще признаться, что наш отец года отправил меня на аборт, чтобы в голове Тагаева шестеренки завертелись в нужном направлении!

Он и без этого в шоке.

– И вы сказали детям? Что отец их продал?

– За кого вы меня принимаете, Артур? – говорю тихо, потому что мешает вмиг перекрывший горло комок. – Разве такое можно говорить детям? Что от них отказались? Я сказала им, что отец не знал о них и уехал. И конечно они теперь его ждут. Придумывают ему всякие оправдания. Сегодня он у них альпинист, заблудившийся на горной вершине. Завтра космонавт, забытый на секретной космической станции. А Иван все время говорит гадости об их отце, и Давид не может сдержаться.

– Я бы тоже не сдержался, – выдает Тагаев, – только бил бы не Ивана, а этого вашего…

Он остервенело дергает ключ зажигания, и я пораженно зажмуриваюсь. Это что только что было? Я не перепутала? Это точно Тагаев?

Но впереди уже видны ворота садика, Артур тормозит почти вплотную – опять я давлюсь от зависти! Помогает мне выйти, и мы быстро проходим на территорию.

– Папа! – вдруг раздается радостное.

Мы поворачиваем головы, и я холодею. К нам несется Давид, за ним сломя голову бежит Данил, а из беседки выходит наша воспитательница Зинаида.

Сыновья подбегают к опешившему Артуру и задирают счастливые мордашки. Отмечаю не без удовольствия, что губы обоих моих сыновей целые и невредимые. Да, японская система воспитания не всегда эффективна в нашей местности…

– Пожалуйста, – шепчет Давид, преданно глядя на Артура, – пожалуйста, можете сказать им, что вы наш папа?

– Пожалуйста… – вторит ему Данил, и я отворачиваюсь, не в силах смотреть в глаза своим сыновьям.

И на Артура тоже.

* * *

Давно он не чувствовал себя так погано. Да никогда, наверное, не чувствовал.

Папа. Зашибись. Ну какой он им папа? На такое Тагаев точно не подписывался. Вот только…

Как отказать, когда на тебя смотрят как на волшебника? На фокусника, который достанет из кармана воздушный шарик и улетит на нем в небо.

Шарики, кстати, у Тагаева с собой были, правда, не в кармане, а в машине. Но такие «воздушные шарики» детям лучше не показывать.

Лоб покрылся испариной, и Артур едва удержался, чтобы не вытереть его рукавом. Ну что за засада, а? Ну почему у них такие зеленые глаза, как у их мамы? Этой невозможной язвы, как ее там, Анастасии…

Артур все-таки вытер лоб, наплевав на приличия. Необычные глаза, цвет у них такой, как у моря в ясную погоду.

Тагаеву не понравился салон, который выбрала Ариана – она только пришла, а ее уже нагрузили. Дворцы, замки на озере. Ну подумаешь, победили в престижном конкурсе. Неизвестно еще, как там распределялись награды.

Артур приехал чтобы забрать невесту и отвезти в какое-нибудь другое агентство. Любое.

Но в холле увидел Анастасию, которая стояла вполоборота и негромко говорила по телефону, и не ушел.

Напротив, теперь ему было принципиально остаться здесь, чтобы его свадьбой занималась эта хрупкая зеленоглазая девушка. Чертовы глаза, околдовала она его, что ли?

Похоже на то.

Артур присел перед мальчишками на корточки. А ведь они отличаются, подумал, еще и как. Как их вообще можно спутать?

Тот, что слева, Данил, смотрит на него с выражением, которое Артур каждый раз наблюдает у своих директоров на совете, когда они пытаются протащить какой-то им одним выгодный проект. Преданно и с вожделением.

Второй, Давид, смотрит с грозным ожиданием, как будто хочет сказать: «Только попробуй откажись!» Странный взгляд, очень взрослый, неожиданный для такого маленького мальчика.

А вот по виду Анастасии можно понять лишь то, что она испугана. Надо бы глянуть на Ивана и его губу, наверняка зеленоглазая устроительница свадеб боится встречи с родителями парня. И к тому же чувствует себя виноватой, а вот это точно никуда не годится.

– Кто ударил Ивана? – спросил Артур. Данил промолчал, Давид потупился. – Так, ясно. За что?

– Он сказал, что наш папа алкаш, – ответил за брата Данил. Давид сверкнул яростным взглядом и снова опустил голову.

– Хорошо, – сказал Тагаев, строго взглянув сначала на одного мальчика, потом на второго, – я скажу, что я ваш папа. Но у меня условие. Вы больше не будете драться в садике и подставлять маму.

Парни скривились так, будто укусили лимон. Переглянулись, еле слышно вздохнули и кивнули. Тагаев поднялся и отряхнул брюки.

К ним уже подплывала воспитательница с грозным видом, и Анастасия еще больше стала походить на провинившуюся школьницу.

– Я даже не знаю, что сказать, Анастасия Андреевна, – начала воспитательница чуть ли не подбоченясь, при этом полностью игнорируя Тагаева.

Вот и он не стал церемониться. Достал телефон и не особо вежливо прервал дамочку.

– Как вас зовут?

Она уставилась на него с удивлением.

– Что значит, как зовут? Вы вообще, кто?

– Как зовут нашу воспитательницу? – вопросительно взглянул на Анастасию Тагаев.

– Колчина Зинаида Рудольфовна, – ответила та с не меньшим удивлением. Зато мальчики неожиданно расплылись в улыбке.

Артур пролистал список контактов и нажал на нужный номер.

– Стас, – он не стал отходить или отворачиваться, наоборот, даже постарался погромче говорить, – я тут в саду твоем. Каком, каком… Детском. Сюда дети мои ходят. Да, из клуба. Их систематически провоцируют на драку, а твой воспитатель не справляется с конфликтом. Нехорошо, Стас, что это за педагог? Ты же говорил, они у тебя специальное обучение проходят. А тут мальчишек задирают, а твой педагог предпочитает все свалить на их маму. С теми родителями я сам поговорю, ты с сотрудниками разберись. А то заберу парней и Семашкину отдам. Еще и рекламу вам нехорошую сделаю. Давай, давай, разбирайся. Колчина Зинаида Рудольфовна. И ты не болей.

Он отключил вызов и снова обратился к Анастасии. На Колчину не смотрел. На сбитых летчиков смотреть неинтересно.

– Как фамилия Ивана, знаете?

– Знаю, – ответила та, так широко распахнув свои зеленые глаза, что Артуру внезапно захотелось сделать что-то такое, чтобы она еще больше удивилась.

Чтобы в них заплескалось еще и восхищение. Например, прямо сейчас построить новый детский сад и подарить ей. Пускай будет, управляется как-то с салоном, и с садиком справится.

– Вы всегда так свои дела решаете, Артур Асланович? – сглотнув, спросила Анастасия, и Тагаев не удержался от самодовольного кивка.

– По мере возможности. Но здесь все оказалось проще. Стас Левченко, учредитель, мой знакомый. Это бизнес его жены, у нее несколько садов и языковые школы. А Левченко мой акционер. Так что, Анастасия, вы скажете мне фамилию нашего антагониста?

– Исаев, – ответила вконец ошарашенная девушка.

Рудольфовна за ее спиной заламывала руки и явно раздумывала, сразу падать перед Тагаевым на колени или сначала как следует порыдать. Мальчики так радостно улыбались, что у Артура внутри стало тепло, будто нагрело солнышком.

– А где ваша сестра? – спохватился он, и сам не смог сдержать улыбку, вспомнив, что сестра у них старшая. На двенадцать минут.

– Она на репетиции, – ответил Давид. – Поет.

– А вы не поете?

Братья горестно замотали головами.

– У нас слуха нет. Стефа говорит, нам слон на уши наступил.

– Может медведь? – подсказал Артур, но Данил невесело возразил.

– Если бы. Тогда бы она нам голос поставила. А со слоном точно не поставит.

– Не расстраивайтесь, у меня тоже слуха нет, – успокоил их Тагаев, – и вон какой вымахал.

– А ваш папа алкаш, – донеслось до них визгливое, и Артур обернулся.

От крыльца вприпрыжку бежал рослый мальчишка, неуклюже загребая в воздухе одной рукой. Его губа была густо смазана белой мазью. Да он почти на голову выше Давида с Данилом! Артур с уважением посмотрел на своих парней.

Стоп. О чем это он. Своих?..

– Ванечка, – раздался душераздирающий вопль.

Возле ворот парковался автомобиль, из которого выглядывала блондинистая голова с безупречно уложенной прической. Анастасия напряглась, и Артур инстинктивно заслонил ее спиной, притянув к себе за плечи Давида и Данила.

Глава 7

– Ванечка! – истерично вопит Исаева.

Мне ничего не видно за Тагаевым, кроме его широкой спины, обтянутой дорогой костюмной тканью – он слишком высокий. И я привстаю на носочки.

Взгляд невольно залипает на крепкой смуглой шее, на аккуратно стриженном затылке, и по телу невольно пробегает дрожь.

Тут же одергиваю себя – нашла время! Судя по сердитому лицу приближающейся мадам Исаевой, здесь ожидается настоящая битва.

Она подбегает к сыну и всплескивает руками при виде его разбитой губы.

– Опять! Эти малолетние бандиты опять тебя изуродовали! Мой хороший, мой бедный мальчик! – она порывисто обнимает пыхтящего Ивана и протягивает ему ключи. – Иди садись в машину, мы сейчас поедем снимем побои, а потом в полицию. Пусть этих рецидивистов упекут в колонию для несовершеннолетних, там им самое место.

Ваня несется к воротам, а Исаева поворачивается ко мне и мстительно шипит:

– Не надейтесь, что на этот раз вам все сойдет с рук, госпожа Савицкая!

Она гордо следует вслед за сыном, а во мне внутри будто взрывается динамит. Да как она смеет называть моих детей рецидивистами!

Набираю в грудь воздух и собираюсь выйти из-за Артура, чтобы заступиться за сыновей.

– Стоять, – громко произносит Тагаев и, видя, что Исаева не обращает внимания повторяет еще громче. – Стоять, я сказал.

– Вы мне? – удивленно поворачивает она голову.

– Да, тебе, – спокойно говорит Артур. – Ты сейчас вернешься и извинишься перед моими детьми.

– Хамло! – дернула плечом мадам. – Пошел ты знаешь куда?

– У Ивана есть отец? – поворачивается ко мне Артур, и я вспыхиваю как китайский фонарик, когда понимаю, что стою слишком близко. И что наши лица теперь тоже слишком близко.

Поспешно отступаю, пряча смущение, но меня выручает Рудольфовна.

– Есть, – делает она шаг вперед. Руки по швам, подбородок вздернут, глаза горят. – У Ивана есть отец.

Так и кажется, что Тагаев сейчас гаркнет: «Вольно, сержант!» но он лишь одобрительно кивает.

– Отлично. А кто он, случайно не помните? А то воевать с женщинами я как-то не привык…

– Павел Яковлевич Исаев, хозяин ипподрома.

– Городского ипподрома? Это который построен на земле, выделенной под стадион?

Рудольфовна вместо ответа недоуменно пожимает плечами, а я припоминаю, что одно время вокруг стройки ипподрома ходили подобные разговоры, но нам со Стефой тогда было не до муниципальных проблем.

Пять лет назад городской совет выделил землю под строительство нового стадиона, а спустя некоторое время на этой земле чудесным образом вырос новенький ипподром. Видимо, городу он оказался нужнее. Или горсовету.

Тагаев поднимает глаза к небу и совершенно по-мальчишески выдает радостно-восторженное: «Йес!» А я холодею и отступаю еще дальше.

Как бы фантастично это ни звучало, но я родила двух детей и одного клона. Клона Тагаева. Если Давид хоть раз скажет при нем «Йес!», вот так согнув локти и сжав кулаки, то только самый недалекий и слабовидящий не заметит их поразительного сходства.

Тревожно окидываю взглядом своих мальчиков. Те не выглядят испуганными или расстроенными, наоборот. Следят за Тагаевым, и в их взглядах сквозит затаенное восхищение. А еще надежда.

Артур снова листает на экране контакты. Он ведет себя так, будто Исаевой здесь нет вообще, а та, напротив, останавливается и озадаченно прислушивается к разговору.

– Владимир Борисович? Здравствуйте. Это Тагаев. Я обдумал ваше предложение. Да, согласен, – Тагаев говорит сдержанно, размеренно, а я вспоминаю, что

Владимиром Борисовичем зовут нашего мэра и незаметно вытираю ладонью лоб. Кажется, не только я вспомнила, Исаева подозрительно бледнеет и сглатывает. – Иностранные инвестиции тоже будут. Только у меня условие. Сроки. Документы подписываем в ближайшие дни, я скоро улетаю. Не надо вам заседание совета, у нас уже есть земля. Та, что под ипподромом. Как куда? Снести к… – он смотрит на жмущихся к нему детей и вовремя тормозит. – К чертовой бабушке. За счет владельца разумеется. Или выкатываем ему иск за нецелевое использование земли. Демонтирует, куда денется. Ах, офисное здание еще? В аренду сдает? Ну придумаем что-нибудь, Владимир Борисович, придумаем. До встречи тогда, детали обсудим. Вы, главное, не болейте.

Артур отнимает от уха телефон. Он с удовлетворением смотрит на Исаеву, и провалиться мне на этом месте, если точная копия этого взгляда не буравит ее снизу. Данькин взгляд чуть более снисходителен и чуть менее уничтожающий. Весь в маму…

Исаева беззвучно, как рыба, открывает рот, а потом смотрит на меня чуть ли не с ужасом и вопросительно тычет пальцами сначала в детей, а потом в Тагаева.

– Что, правда? – у нее прорезается голос, и она беспомощно садится на уличную урну.

Я близка к провалу как никогда, но меня спасает, что Артур снова говорит по телефону, и я могу позволить себе гордо проигнорировать вопрос.

– Начинайте готовить документы, – отдает распоряжения Тагаев, – я даю согласие на долевое участие в строительстве стадиона. Свяжитесь с владельцем ипподрома Исаевым, пусть приступает к демонтажу конструкций. Скажите, Тагаев велел ему дома сидеть и заниматься воспитанием сына. Жену уже не перевоспитаешь, так что пусть хотя бы парня до ума доведет. Да, кстати, там у него еще офисный центр есть. Парковки сносим, землю отдаем ларечникам. Да что угодно пусть продают. Цветы, шаурму… Только чтобы доступ в офис перекрыли. Выполняйте.

Артур прячет телефон в карман и говорит, глядя поверх Исаевой.

– Все. Нет у вас больше ипподрома. И офиса нет, – он подмигивает Данилу с Давидом, и те радостно улыбаются в ответ.

До нее наконец-то доходит, что это не шутка. Бледная как стена, она встает с урны и понуро бредет к воротам. Не успевает дойти до калитки, как из сумочки раздается звук рингтона, и Исаева выуживает из нее мобильник.

– Пусечка… – беспомощно лепечет, – в садике, да. Ванечку забрала… С чего ты взял, не знаю я никакого Тагаева…

Как только она выходит за ворота, Артур сразу же теряет к ней интерес. И тут мимо меня проносится вихрь и впечатывается в его колени.

– Артур! Ты приехал, и мы идем есть мороженое?

Он ошалело разглядывает вихрь, оказавшийся моей дочкой. И его тоже…

– Старшая сестра! – восклицает он, а я…

Я явно перенервничала, и мое взбудораженное воображение разошлось не на шутку. Потому что мне кажется, будто Тагаев очень обрадовался Дианке.

Он присаживается возле нее на корточки, но тут же его лицо мрачнеет.

– Сегодня у меня вечером встреча, а вот завтра мы точно сможем пойти.

– Завтра не могу, завтра концерт, – грустнеет моя маленькая девочка. – Я пою.

– А я могу посмотреть? – спрашивает Артур, и на ее щечках вспыхивает румянец.

– Тебе правда интересно?

– Конечно, – очень серьезно отвечает Артур, – конечно интересно. Это же ты поешь! А сейчас мне надо отвезти маму…

– Маму? – сразу навострили ушки мои сообразительные детки.

– Вы возите маму? – переспрашивает Данил. Давид, не дождавшись ответа, с торжествующим видом смотрит на меня. И даже не думает скрывать ликование.

– Значит, мама замуж за Диму уже не идет?

* * *

Конечно, с его стороны было бы слишком самонадеянно думать, что эта красивая девушка с потрясающими кошачьими глазами ни с кем не встречается. Но наличие некоего Димы оказалось для Тагаева не то, что сюрпризом, а настоящим камуфлетом[6 - Камуфлет – подземная вспышка, скрытый взрыв под землей, обычно без образования воронки.].

И что теперь ответить?

Умом Артур понимал, что сказать: «Да, не идет», – он не имеет права. Просто никакого. Этим пацанам отец нужен как воздух, что уж говорить о маленькой принцессе Дианке. И вполне возможно, Дима как раз подойдет на роль…

Кого он обманывает? Дима подойдет разве что для похода в пешее эротическое, Артур это определил для себя, как только узнал о его существовании. Так что «Ну почему же, все может быть» отпадало на старте.

Тагаев лихорадочно перебрал в уме самые нейтральные варианты, но удачного решения так и не нашел.

А потому что его не было. Просто не было и все. Или Дима – а на его месте мог быть и Вадик, и Сергей, и даже Ипполит – или… он сам?

Тагаев снова вытер лоб рукавом. Сейчас просто необходимо стратегическое отступление. Он обязательно найдет правильное решение, подберет правильные слова… Потом. Когда на него не будут снизу вверх смотреть три пары зеленых глаз, полных ожидания и надежды.

И еще одна. Смотрящая исподлобья. Грозно и в то же время умоляюще.

«Не смей. Не смей этого делать», – очень красноречиво говорил этот взгляд. Тагаеву даже показалось, что где-то там мелькнуло: «Иначе я тебя убью», – но это вполне могло быть его разыгравшимся воображением.

Все правильно. Он не должен давать им надежду, не должен. Но что делать, если ему самому сейчас это важнее чем им?

Пройдет. Просто он слишком вошел в роль защитника и супермена. Пришел, раскидал всех врагов. И такая роль ему неожиданно понравилась.

Вот только этим детям нужен не супермен, а отец.

«Так что отползаем, Тагаев, отползаем».

Он принял самый деловой вид и кивнул:

– Обсудим.

При этом кивнул очень глубокомысленно. Анастасия смотрела на него как на врага. Давид повернулся к брату с сестрой, сжал руки в кулаки, согнул в локтях и выдал громкое:

– Йес!

Тагаев даже вздрогнул, так похоже у парня получилось. Что только подтвердило его убеждение. Мальчики готовы подражать первому встречному, который взялся решить их проблемы. И с этим срочно надо что-то делать.

Что же у Анастасии там на самом деле произошло с их отцом? Как он мог отказаться пусть не от троих, пусть от двоих своих родных детей? Да еще и таких…

Артур содрогнулся от одной мысли, что такое могло случиться с ним. Разве он смог бы тогда жить обычной жизнью?

Вечером ложиться спать, утром просыпаться, ехать в офис, завтракать, обедать и ужинать. Если бы знал, что где-то точно так же ложатся спать, утром

просыпаются, идут в сад, завтракают, обедают и ужинают его дети. Да еще и такие…

От этих мыслей стало тошно, внутри будто булыжник завозился. Да лучше бы он сдох. Артур, конечно, а не булыжник.

Бросил беглый взгляд на Анастасию и удивленно выпрямился. Секунду назад она взглядом разносила его на атомы, и вдруг все изменилось.

Девушка по-прежнему не сводила кошачьих глаз с Тагаева, вот только теперь в них явно плескался страх.

Она испугалась, и сильно испугалась. Артур сразу угадал такое состояние, ему приходилось не раз наблюдать, а порой и намеренно в него вгонять. И собственных директоров с заместителями, и деловых партнеров.

Он пожал руки мальчикам, попрощался с воздушной девочкой и кивком головы указал Анастасии на машину.

Надо отдать должное, отмерла она практически сразу. Быстро перецеловала детей, причем умудрилась обнять всех одновременно – сразу видно годами отработанную практику. И Артур понял, зачем. Никто в этой троице не должен быть обделен вниманием, такие дети…

Они молча сели в машину, молча тронулись с места. А потом Артур не выдержал. Пока не вырулили на проспект, съехал с дороги в первый попавшийся переулок и заглушил двигатель.

Развернулся, положив локоть на руль, а вторую руку – на спинку сиденья. И уперся пристальным взглядом в сидящую рядом девушку.

– Ну? Я жду.

Но Анастасия видимо уже полностью оправилась от своего ступора. Разворачиваться ему навстречу посчитала лишним, ограничилась поворотом головы.

– Я вас не понимаю. Переведите.

– Итак, Дима? – подбадривающе продолжил Артур.

– Да, Дима. Для меня. Для вас Дмитрий, – поправила его эта невыносима язва, и Тагаеву сразу захотелось, чтобы Дмитрий оказался рядом.

Как можно ближе. Желательно в пределах досягаемости тагаевского кулака. Можно даже ноги, но это крайность.

– Вы в самом деле собрались за него замуж? – он сгреб в кучу все свое самообладание.

Анастасия наклонила голову и несколько минут молча его разглядывала. Артур почувствовал себя слишком неуютно под этим взглядом.

А потом отсоединила свой телефон от автомобильной зарядки, которую так опрометчиво уступил ей Тагаев, и нажала на вызов.

– Стеф, это я, – она говорила, глядя на Тагаева в упор, и в ее взгляде он видел что-то очень для себя нехорошее. – Как там Арианочка? Еще не ушла? Пусть дождется, мы уже едем. Передай, что у меня появилось несколько отличных идей. А пока предложи вариант помолвки на воздушном шаре. Артур Асланович сделает ей предложение, признается в любви, они обменяются кольцами. Параллельно запустим шар с оператором, все это будет снято с нескольких ракурсов, у нее появится масса шикарного контента. По желанию можно организовать шары с гостями и шампанским. И расцветки шаров покажи. Розовые ей наверняка понравятся, очень романтично.

Артур не сомневался, что последние слова адресуются ему. Представил вереницу розовых воздушных шаров с пьяными гостями и вздрогнул. А сам все это время не мог оторвать взгляд от ее губ.

Чуть изогнутых, искусанных – он ведь так нервничала! – а от того ярких и припухлых.

– Что? – спросила она с вызовом, завершив разговор. Слишком взволнованно спросила…

Он молчал. Долго молчал. Просто сидел и смотрел. А она все больше нервничала.

– У тебя очень красивые губы, – ответил после долгой паузы.

Наверное, поэтому его голос прозвучал сипло и негромко. Зато в ее глазах как будто вспыхнули звезды. Она быстро отвернулась, Артур повернул ключ зажигания.

Двигатель заурчал, автомобиль тронулся с места. Больше за всю дорогу они не проронили ни слова.

Глава 8

Я успокаиваюсь и беру себя в руки.

Губы у меня красивые…

Я это и без Тагаева знаю, мне об этом уже говорили, и не раз. Но только почему-то именно в его исполнении это прозвучало так, что я всю дорогу с трудом собираю себя обратно в состояние более-менее однородной субстанции.

И какое тебе вообще дело до моих губ, Тагаев? У тебя для этого есть Ри.

От того, что у Тагаева есть Ри, становится еще хуже, и все приходится начинать сначала. Моя привычная картинка мира, на которой образ Артура запечатлен в негативных тонах, размывается и плывет. А я так не хочу. Мне проще так, как было.

Верх цинизма отправить меня на аборт, а спустя несколько лет возмущаться точно таким же поступком другого мужчины. Беда в том, что Тагаев на циника похож как мои дети на ангелочков.

Нет, внешне вполне может быть, вот только видимость эта очень и очень обманчива.

Не станет циник так заморачиваться проблемами чужих ему, как он думает, детей. А Тагаев заморочился. Еще и как заморочился, я только мысленно ахать успевала.

Машина тормозит. Поспешно дергаю дверь и понимаю, что она заблокирована.

– Не торопитесь, Анастасия, мы еще не договорили, – слышится слева, а я боюсь повернуть голову. Слишком большая работа проделана над собой, чтобы все снова пустить прахом.

– Нас ждет ваша невеста, – говорю ровным холодным тоном.

– Для Ри проводить по полдня в разного рода салонах привычное дело, – невозмутимо отвечает Тагаев, – за нее не беспокойтесь. Я хочу поговорить о ваших детях.

– Не вижу необходимости обсуждать своих детей с вами.

– И все же, придется.

Бессильно скриплю зубами, но не драться же мне с ним. Тут у меня шансы равны нулю, если не уходят в минус. Закусываю губу и отворачиваюсь.

– Тот му… мужчина, Дмитрий. Вы за него собрались замуж? Только, пожалуйста, давайте обойдемся без розовых шаров, – и почему мне кажется, что под маской спокойствия клокочет глухое раздражение?

– Я все же наберусь наглости и напомню вам, что вас это совершенно не касается…

– Он не нравится вашим детям, почему? – перебивает меня Артур. – Он их обижает?

– Вы в своем уме? – у меня даже глаз дергаться начинает. – Считаете, что я стану встречаться с мужчиной, который обижает моих детей?

– Значит вы с ним встречаетесь?

Хм, а у Тагаева тоже глаз дергается. К чему бы это?

Димка – мой инструктор из школы контраварийного вождения и первый мужчина, с которым я позволила себе сойтись ближе, чем просто кофе в перерыв или обед в ресторане. Хотя правильнее сказать, второй мужчина, коль первый сидит в опасной близи, стоит протянуть руку…

Когда подросли дети и я окунулась в работу, вокруг незаметно стали появляться мужчины, жаждущие моего внимания. Но я не могла преодолеть определенный барьер, который стоял между мной и ними невидимой стеной. Мало того, его и преодолевать не хотелось.

А с Димкой вышло само собой. В обучении вождению есть что-то интимное, или мне тогда так показалось. Но с ним было интересно, а он, по его словам, влюбился сразу.

Год мы дружили. Он иногда заезжал за мной глубоким вечером, когда дети засыпали, и я гоняла по ночному городу. А Дима меня страховал. Тогда же мы впервые поцеловались. С ним же мне впервые захотелось большего. И с ним же я убедилась, что тогда на берегу у меня с самого начала была температура и галлюцинации.

С Димкой я не испытывала ничего похожего на то, что выбивали из меня поцелуи и ласки Тагаева. Меня не бросало в дрожь и не лихорадило. Все проходило нежно, спокойно и… В общем, меня вполне устраивали наши свидания раз в две недели. Но они не устраивали Диму. И возможно я бы согласилась на более частые встречи, вот только мои дети отчего-то его невзлюбили.

– Насть, ну я не знаю, что мне делать, – он разводил руками, напоровшись на полный игнор этой упрямой троицы при любой попытке вывести их в кафе или на прогулку.

– Мы с папой пойдем, – отвечал Давид, глядя исподлобья, – он приедет и поведет нас в парк.

– Извините, – добавлял Данил, соглашаясь с братом.

Дианка просто гордо хранила молчание. О каком замужестве тут можно было говорить? И еще мне казалось, Димка при этом облегченно вздыхал, и мне сложно было его винить.

– У меня нет детей, я не умею с ними обращаться, – выдвигал Дима свои аргументы, и я с ним соглашалась.

До сегодняшнего дня. Пока Тагаев сходу не завоевал сердечки моих «Три-Д». Или это случилось еще на стадионе?

– Он не нравится моим детям, потому что он не их отец, – говорю, глядя вперед. Я по-прежнему избегаю смотреть на Тагаева. – Дети ждут отца, я об этом говорила. Иногда у меня появляется стойкое желание сообщить им, что он утонул в своей подводной лодке или свалился с какой-нибудь горной вершины.

– И что же вас останавливает?

– Не поверите, – поворачиваю голову, – я не желаю ему зла. И не хочу, чтобы с ним что-то случилось.

– А вы колдунья, да? – в голосе Артура звучат язвительные нотки, к которым примешано что-то непонятное. Не могу разобрать.

– Нет. Просто верю, что мысли материальны.

– Он в отношении вас и детей не стал играть в благородство.

Я ослышалась? Смотрю на Тагаева, распахнув глаза. Руки, лежащие на руле, сжаты в кулаки, зубы сцеплены. Не надо обладать особым талантом, чтобы не понять, что мужчина, вперивший в меня горящий взгляд, очень зол.

– Вам не понять, Артур, – откидываюсь на спинку сиденья и отворачиваюсь к окну. – Но, когда рождаются дети, те, благодаря кому они появились, становятся связаны на всю жизнь. Я благодарна отцу моих детей… – запинаюсь на миг, – за этих детей. Именно этих.

Зачем я ему это сказала? А дура, потому что. Разве не понятно? Кажется, даже Тагаеву понятно.

– Я хочу с ним встретиться, – он тоже откидывается на спинку сиденья и упирается в руль. – У вас остались от него какие-нибудь документы, по которым можно судить об отцовстве? Экспертиза ДНК? Его расписки? Переписка в мессенджерах?

– Нет, – вдруг чувствую невыносимую усталость, как будто меня прокрутили в стиральной машине в режиме «Отжим». – У меня от него есть только дети.

И салон.

– Он вам поверил на слово?

– Взрослый мужчина в состоянии понять, когда у женщины он первый, Артур Асланович, – отвечаю, все еще глядя в окно, а потом оборачиваюсь на Тагаева. – И знаете, мне надоело, что вы копаетесь в моей жизни. Если еще раз спросите об отце моих детей, я устрою вам помолвку на воздушных шарах из салона «Горячая штучка». Поверьте, убедить вашу невесту я сумею.

– Хорошо, – соглашается он без тени улыбки, – тогда пообещайте, что не будет никакой помолвки… – и тут же поправляется, – я хотел сказать, никаких воздушных шаров.

– Обещаю. Разблокируйте дверь.

Спрыгиваю на землю, а Тагаев с силой бьет по рулю.

* * *

Только успеваю дойти до крыльца, как звонит телефон. Димка.

– Настюша, привет. Занята? Может, увидимся сегодня? – голос Димки звучит весело и беззаботно, и я немного успокаиваюсь. Не одним Тагаевым наполнена моя жизнь.

– Привет, Дим. Занята, да. Сегодня? – размышляю, стоит ли сегодня встречаться с Димой, как внезапно передо мной на ручку двери ложится широкая ладонь.

Чертов Тагаев. Догнал всё-таки.

Вхожу в услужливо распахнутую дверь и отхожу в сторону, демонстративно повернувшись к Тагаеву спиной. Закрываю пальцем микрофон.

– Любимый! Я так соскучилась, прямо ужас! Считаю минуты до нашей встречи.

Отпускаю микрофон.

– Насть, ты чего молчишь? – тревожно спрашивает Димка.

– Не знаю, когда освобожусь. У меня заказчики, я перезвоню, – зажимаю микрофон. – До встречи, любимый! – отпускаю. – Целую.

Разворачиваюсь и упираюсь в Тагаева. Он сверлит меня таким пронизывающим взглядом, что мысленно я уже вся похожа на решето и через меня можно процеживать макароны, которые так обожают мои дети.

– Какая любовь! – Тагаев как будто ухмыляется, но под ироничной маской хорошо видно плохо скрываемое раздражение. И с чего он так взбесился?

– Мне с ним повезло, – отвечаю с достоинством и намереваюсь его обойти. Но Артур вновь перегораживает путь.

– Зачем встречаться с мужчиной, который не нравится вашим детям?

– Что поделать, – пожимаю плечами и делано сокрушаюсь, – что поделать, если у нас с детьми не совпадают вкусы. Приходится выкручиваться.

И наткнувшись на его непонимающий взгляд, поясняю:

– Вот, к примеру, вы им понравились, Артур Асланович.

– А вам?

– А мне нет.

– И почему же, если не секрет? – я вижу, что он уязвлен. – Обычно я нравлюсь женщинам.

– Потому что для меня вы не мужчина.

– А кто? – багровеет Тагаев, и я снова тороплюсь пояснить.

– Заказчик. Не люблю слово «клиент», от него попахивает борделем. Так что вы для меня заказчик. Ну или жених, выбирайте, что вам больше подходит.

– Я предпочту свое имя. Прозвищами меня награждают только такие язвы как вы, а они мне, к счастью, встречаются редко.

– Правда? Да вы везунчик. Вот, ловите еще одно.

– Чем упражняться в остроумии, лучше придумайте, как переубедить Ариану. Иначе вместо вас на свидание с Дмитрием пойду я.

– А жаль. На розовом шаре вы смотрелись бы бесподобно.

– Я вам уже говорил, что вы язва? Кстати, мы с вами точно не встречались? А то у меня практически дежавю.

Прикусываю язык и приказываю себе умолкнуть. Иначе точно договорюсь.

Идем в кабинет, и на затылке я слышу горячее дыхание Тагаева.

– Арчи, дорогой, ну куда же ты пропал! Мы так роскошно придумали! Представляешь, ты сделаешь мне предложение на воздушном шаре, я даже расцветку выбрала! И анонсировала в сториз новый розыгрыш. Мои подписчики угадывают, где ты сделаешь предложение, а победителю я подарю полет на воздушном шаре! Арчи, это будет так романтично, – Ариана хлопает в ладоши.

Тагаев разворачивается всем корпусом ко мне и замолкает в ожидании. Очень-очень красноречивом ожидании.

Закусываю губу и перевожу взгляд на сияющую Ариану.

– Знаете, Арианочка, к сожалению, с шаром ничего не получится. Мы выяснили, что у Артура Аслановича на высоте закладывает уши. Как он услышит, согласны вы или нет? К тому же, для полета на воздушном шаре подходят далеко не все локации. Дворцы и замки точно придется вычеркнуть.

– Как? – Ариана беспомощно смотрит то на меня, то на Артура, и у нее начинают дрожать губы. – Я ведь уже анонсировала розыгрыш… и конкурс…

– Но ведь вы никому не говорили о шарах, верно? Вот пускай и угадывают дальше. А мы обязательно к тому времени что-нибудь подберем! – утешает ее Стефа, которая до этого наблюдала за нами со странным выражением лица.

– Все, Ариана, поехали, – обрывает ее Тагаев, сгребает со стола разложенные буклеты и фото локаций и запихивает невесте в сумочку, – я и так потерял уйму времени. А у меня встреча с мэром. Потом поговорим.

– Там такие красивые ролики, Артур… – чуть не плачет Ариана, мне ее даже становится жаль.

– Пришлите мне все на электронную почту, – бросает Тагаев, – я посмотрю и сообщу о своем решении.

– Обязательно пришлем, Артур Асланович, – заверяю его, – если вы нам ее оставите.

Он выпрямляется и смотрит на меня с тем же плохо скрываемым раздражением. Да что его снова взбесило?

– Я не умею считывать адреса почтовых ящиков своих заказчиков телепатически, – продолжаю негромко.

– Очень плохо, Анастасия Андреевна, – подхватывает он в том же тоне. – Советую научиться.

Берет Ариану за локоть и чуть ли не выволакивает из салона. Стефка вытирает потный лоб.

– Что это с ним? – смотрит на меня непонимающе. – Какая муха его укусила?

– А я откуда знаю? – ворчу недовольно. Плюхаюсь на диван, беру со стола каталог и начинаю им обмахиваться. А ведь работает кондиционер! – Как он только миллиардером стал с такой никудышней нервной системой?

– Ох, Настюха… – укоризненно качает головой Стефа, и я отворачиваюсь.

Глава 9

– Арчи, ты не можешь так поступить! – Ариана вырвала локоть и задрала подбородок. – В конце концов, мы публичные люди! И наша помолвка, а тем более свадьба…

– Садись в машину, Ри, – устало сказал Артур, – я отвезу тебя домой.

Он чувствовал себя так, будто его выжали под прессом. Он больше не был готов ни выслушивать, ни убеждать. Он мог только, в лучшем случае, послать, и Ариана это сразу почувствовала.

Она была неглупой девушкой. Ариана Шульгина, получившая образование сначала в Лондоне, потом в Америке, закончившая Йельский университет, не

могла быть дурой.

Артур помнил угловатую, стеснительную «заучку» в очках, дочь отцовского друга, с которой его настойчиво знакомил отец. Но особого внимания не обращал, ему нравились совсем другие девушки. И их у него было немало. Если не обобщать.

А потом вдруг начались эти бесконечные реалити-шоу, спонсируемые Павлом Шульгиным, и в каждом Ариана была звездой. Артур даже посмотрел несколько выпусков.

Она изменилась, превратилась в красивую девушку и с завидным упорством принялась покорять инстаграм.

– Тебе это правда интересно? – поинтересовался Тагаев, когда они как-то пересеклись и ненадолго зависли поболтать на общей вечеринке.

– Да, – Ариана светилась от счастья, не забывая при этом обводить все вокруг телефоном с включенной камерой, – когда твоя жизнь на виду, это заставляет постоянно быть в тонусе. Не позволяет расслабиться. И я от этого кайфую.

– Но ты же столько училась, Ри! – не мог понять Артур. – Зачем?

– Училась, потому что так надо было. Потому что так сказал папочка. И теперь мне это только мешает. Чтобы делать контент для народа, надо стать к этому народу как можно ближе. Теперь приходится переучиваться. Надо научиться мыслить их потребностями. Не перестраиваться под их вкусы, а понять. Встать на их место. Влезть в мозг. И дать те эмоции, которые нужны, – глаза Арианы горели, она явно себя нашла.

Звучало жутковато, но Артура, в принципе, это никак не касалось, и он забыл о Ри как только она исчезла из поля зрения.

Видимо, переучиться получилось, потому что спустя некоторое время Ариана стала одним из топовых блогеров с миллионами подписчиков.

В первые годы после смерти отца Артур с головой ушел в бизнес. Надо было в самый короткий срок вникнуть, удержать, не упустить все то, что создал отец. Потом нарастить и расширить. А когда вынырнул обратно, оказалось, что ему уже тридцать, и можно начинать нормальную жизнь.

– У отца в твоем возрасте уже был ты, – ненавязчиво заговаривала мать, – может, пора уже подумать о женитьбе, сынок?

Тагаев сам об этом думал. Не конкретно, абстрактно. Но теперь стал задумываться чаще. И все чаще в их доме стало звучать имя Арианы.

Потом они встретились на каком-то приеме. Потом еще. А потом оказались в одной постели. Артуру было, в принципе, все равно – не она, так кто-нибудь другой. Но мало-помалу их встречи стали относительно регулярными.

С Ри было легко, она не навязывалась и не донимала его ревностью и истериками. Слегка напрягали ее постоянные выходы в эфир, но и тут Ариана старалась не частить.

Она изменилась. Появилась жеманность, которой не было. Умение держать лицо, даже когда это не нужно. Блогерский сленг. Постоянный апгрейд внешности и бесконечные сториз.

За всем этим им иногда даже не было когда поговорить. И Артура это вполне устраивало, ему за день хватало разговоров. Они могли жить вместе, а потом разъехаться по домам, и он иногда даже не замечал, что ее нет рядом. Обычно об этом напоминал здоровый мужской организм.

Так прошел год. Однажды Тагаев проснулся в отеле в Гонконге с какой-то девицей и понял, что ему нужна семья. Жена, дети. Среди девушек его круга было много незамужних, но если выбирать кого-то из них, все равно кого, то почему тогда это не может быть Ри?

Артур был уверен, что его жизнь останется такой же, просто теперь у него будет жена. И у них будут дети. Абстрактные дети, которых он себе вообще никак не представлял.

– Арчи, зачем ты увел меня из салона? Я бы с удовольствием побыла там еще пару часов, – Ариана взмахнула густыми ресницами, напоминающими китовый ус.

Тагаев совсем не к месту подумал, что если бы Ри питалась планктоном, то с помощью ресниц она с успехом могла бы его отфильтровывать. На ум пришли зеленые глаза в обрамлении длинных изогнутых ресниц.

Эта бы планктон отфильтровывать не стала, она бы его заговорила. Вусмерть. Артуру захотелось улыбаться. Интересно, как у такой язвы могли родиться такие милые дети?

– Ты хочешь детей, Ариана? – спросил он, опершись локтями об руль.

Вопрос явно застал невесту врасплох.

– Конечно! – она убедительно хлопнула китовым усом еще несколько раз, и Артуру показалось, он даже услышал негромкий скрежет. – Я хочу, чтобы у нас с тобой был маленький сладкий пупсик. Арчи, ты предлагаешь прямо сейчас… – Ариана пробежала пальчиками по его руке, но он покачал головой и убрал руку.

– Нет, не предлагаю. Я же сказал, у меня мэр. Я просто спросил.

Артур высадил Ариану у ее дома и повернул в офис.

Не просто он спросил. Если раньше дети для него были чем-то иллюзорным, то после сегодняшней поездки в детский сад Тагаев четко осознал: дети не абстракция. Не обобщенное определение, а живые мальчики и девочки. И если их с Арианой дети представлялись ему довольно смутно, то каких бы ему хотелось, теперь он знал совершенно точно.

И еще он понял, почему его так бесит неизвестный Дмитрий. Потому что, если Артур женится на Ри, в его жизни ровным счетом ничего не изменится. А если выйдет замуж язва Анастасия, то у него больше не будет возможности ее видеть. И быть всесильным волшебником для троих «Д».

На экране засветился вызов. Роман, его эсбэшник.

– Артур Асланович, вы скоро?

– Почти подъехал.

– Жду.

Артур отбился и вывернул на главную.

* * *

– Настя, ты меня не слушаешь! – Димка обиженно отворачивается, и я виновато моргаю.

Я и в самом деле его не слушаю. С некоторых пор мои мысли заняты исключительно Тагаевым. Да и не только мысли. Теперь он еще и присутствует в моей жизни. Причем, как ни странно, подготовка к его свадьбе здесь играет чуть ли не самую последнюю роль.

Сегодня мы вместе съездили в сад, там он за полчаса решил проблемы, с которыми я боролась весь последний год. Безуспешно. А здесь – пришел, увидел, победил.

Завтра он собирается приехать на концерт к Дианке, а потом они идут есть мороженое. Причем, оговорено все без меня, меня только поставили в известность. Даже не Тагаев, а собственные дети.

Что будет послезавтра, боюсь даже представить.

Пять лет я спокойно жила, убедив себя, что забыла Артура, что мы с детьми в нем не нуждаемся, а он в нас тем более не нуждается.

И тут он врывается в мою жизнь и мне от этого трудно дышать. Невозможно.

– Ты что, заболела? – Димка перестает обижаться и даже как будто волнуется.

– Да, – киваю и поднимаюсь из-за столика, – извини, я и правда неважно себя чувствую. Лучше поеду домой. В любом случае я обещала детям к шести быть дома, мне нужно приклеить на крылышки блестки.

– Конечно, – Дима поспешно встает и провожает меня к выходу, а у меня чувство, будто на лбу светится красная точка, и за мной наблюдают через оптический прицел.

Оглядываюсь по сторонам, но ничего подозрительного не замечаю. Поворачиваюсь к Димке.

– Прости, что испортила тебе вечер.

– Не говори глупостей, выздоравливай.

Выруливаю на проспект, и меня обгоняет огромный как бронетранспортер внедорожник. Сердце стучит в ускоренном темпе – почему мне кажется, что это автомобиль Тагаева? Потому что я вообразила себе невесть что, и теперь меня преследуют глюки.

Дима не попытался поцеловать на прощание, побоялся заразиться, и меня это неожиданно задевает. Почему-то я твердо уверена, что Тагаев не пустил бы меня за руль, если бы решил, что я нездорова. А если бы ему вздумалось меня поцеловать, то плевал бы он на все вирусы и бактерии мира.

Откуда только взялась эта уверенность? Я, как обычно, его идеализирую, а это самый верный путь к очередному витку влюбленности в того же мужчину, которого я с таким трудом пять лет назад разлюбила. Или все-таки не разлюбила?

Да нет. Не может быть. Только не это.

Но вполне определенные опасения уже закрадываются в мое сердце. И я не могу отворачиваться и делать вид, будто ничего не происходит.

Артур слишком стремительно заполнил собой мои мысли и мою жизнь. А это возможно только при одном условии.

Если там было пусто. Если там никого не было. И я сто раз могу утверждать, что это не так, но от этого ничего не изменится.

– Мама, мы будем клеить к крылышкам блестки? – встречает меня на пороге моя маленькая девочка, и у меня немного отлегает от сердца, когда я вижу три любимые мордашки.

Давид и Данил уже приготовили клеевой пистолет и подпрыгивают рядом в нетерпении. Мои дети все делают вместе, даже если надо украсить крылышки феечки для выступления сестры. Стефка смотрит на нас и улыбается.

– Конечно, будем, – обнимаю всех троих одновременно.

Это обязательное условие. Я никогда никому не уделяю больше внимания или любви. Исключение – только если кто-то болеет. Но болеют они тоже вместе, так что все-таки никогда.

Я поужинала с Димой, поэтому иду сразу в детскую. У нас их две, детская спальня и детская игровая. В будущем я собираюсь отселить Дианку от парней, когда она подрастет, и сделать ей отдельную комнату. Но пока даже не заикаюсь об этом, мои дети слишком привязаны друг к другу, чтобы их сейчас разделять.

Достаю из чехла крылышки, которые нам выдали вместе с костюмом цветочной феи. Садимся за стол и начинаем мастерить.

Ди показывает, куда клеить. Мальчики по очереди ставят клеевые точки, я длинным пинцетом достаю блестки из контейнера и накладываю на клей. Потом все по очереди берут пинцет и пробуют клеить сами. Даже Стефа присоединяется к нам.

Моя девочка счастлива, ее личико сияет, когда она представляет, как красиво будут переливаться на сцене крылышки.

– Мамуль, а как ты думаешь, Артуру понравятся мои крылышки? – спрашивает она, и мы со Стефой растерянно переглядываемся.

– Артуру Аслановичу, – поправляю я механически. – Конечно, понравятся, у него же таких нет.

Теперь озадаченно переглядываются мои дети, и я мгновенно угадываю ход их мыслей.

Прости, Тагаев, но, похоже, тебе светит пара сверкающих крыльев, и раз уж ты подписался изображать Доброго Фея, то придется соответствовать образу.

Вид порхающего с цветка на цветок Тагаева меня слегка развлекает, но ненадолго. Эти крылышки в любом случае нужно будет вернуть вместе с костюмом.

Дети взбудоражены, день сегодня выдался сумбурный и наполненный событиями, и я с трудом их укладываю спать. Когда они, наконец, засыпают, иду на кухню, где Стефа уже ждет меня с ароматным чаем с мятой и мелиссой.

– Они тебе рассказали? – спрашиваю, не уточняя, кто и что рассказал. Она и так все понимает.

– Рассказали, – вздыхает Стефа.

– А теперь я тебе кое-то расскажу, – сажусь рядом и передаю наш разговор с Тагаевым, в котором он расспрашивал меня об отце моих детей.

Стефка кусает губы и в отличие от меня, уже допивающую свою кружку, к чаю пока не притрагивается.

– Не нравится мне все это, – говорит, когда я замолкаю.

– А мне как не нравится, – соглашаюсь уныло.

– Послушай, Настюш, – она берет меня за руку, – а ты не могла тогда ошибиться? Он точно слышал ваш разговор?

– Что ты хочеш сказать, Стеф, – холодею я и понимаю, что эта мысль тоже не дает мне покоя.

– Что Артур ничего не знает. Ни о детях, ни об аборте, – смотрит мне в глаза Стефания, и я закрываю руками лицо.

Нет. Не могу в это поверить. Это полностью рушит мир, который я сама для себя выстроила, и в котором были четко поделены роли на «наших» и «врагов».

– Нет, – мотаю головой, – не может быть, Стефочка! Он стоял и смотрел на меня сверху.

– А когда ты его заметила? Ты помнишь этот момент?

Холодею еще больше, потому что, конечно, помню.

– Да, – отвечаю еле слышно, – перед самым уходом.

Стефа выпрямляется на стуле, как будто глотнула шпагу.

– Послушай меня, девочка моя. Посмотри, как потянулись к нему дети. Они бы почувствовали, если бы он был негодяем, поверь мне.

– Дети и родителей-алкашей любят, – слабо возражаю я больше из упрямства, – детская любовь безусловна.

– Но ты видишь, как он отнесся к твоему рассказу об их отце, – парирует Стефа. – Чем ты это объяснишь?

– Биполярочка у него. Биполярное расстройство, – поясняю.

– Настя!

– Извини, – я совсем падаю духом. – Стеф, какая уже разница? Он женится. И ты видела Ариану, где она, и где я…

– Видела, – кивает Стефка, – и кое-что еще видела. Пусть я сейчас лопну вот на этом месте, если он тебя не ревнует.

Вместо ответа давлюсь чаем и закашливаюсь. Стефа лупит меня по спине и даже не скрывает, что это доставляет ей удовольствие.

– Да ты что, слепая, Настька? Он тебя глазами ест. Ты сама говорила, что он тебе встретиться предлагал после того, как вы выберетесь. А ты знаешь, как это называется?

– Как?

– Химия, милая моя. Вот между ними никакой химии и в помине нет с Арианой, а между вами разве что в воздухе не искрит. Доченька, – она порывисто меня обнимает, а я вздрагиваю. Стефка называет меня доченькой в самых исключительных случаях. – Послушай, я считаю, ты должна ему все рассказать.

– Ты что, – пугаюсь я, – как ты себе это представляешь? Я вообще надеюсь, что он заберет свою Ри, и они отвалят к конкурентам. Я ему даже визитку в буклет вложила.

– С ума сошла?

– Я не могу, Стефа! А если ты ошибаешься, и он все слышал?

– А если нет? Ты лишаешь детей родного отца!

– Я лишаю? Если бы не Ариана, мы бы и не встретились больше. Он после того случая на стадионе уехал, только его и видели! Это она захотела заказать у нас свадьбу!

– А если это судьба? – тихо спрашивает Стефа, и я беспомощно замолкаю.

Глава 10

– Ты хочешь сказать, что они еще тогда были любовниками? – посмотрел Артур на эсбэшника, и Роман утвердительно кивнул.

– Уверен. Хоть сотрудники этого не говорят. Но не стали же они ими вдруг?

Тагаев сцепил пальцы в замок и уперся лбом.

Известия Роман принес неутешительные. Владелец судна, Орхан, вскоре после тех событий продал гулет и купил яхту. Довольно приличную яхту. А потом вместе с братом и любовницей был задержан властями с крупной партией наркотиков.

Сейчас все трое отбывают срок, мужчинам дали по двадцать лет, любовнице Орхана шестнадцать. Ею оказалась та самая Настя Никитина, которая назвалась его, Артура, спасительницей. Никаких следов второй Насти на судне обнаружить не удалось.

– Там было всего три человека экипажа, Артур Асланович. Капитан, он же брат владельца, и двое матросов. Они тоже проходили как свидетели, и там действует программа защиты. Мы, конечно, могли поднажать, но тогда возникли бы проблемы с властями. Так что поднажать не вышло, а сами парни сразу пошли в отказ. «Ничего не помним, ничего не знаем». Я пытаюсь сейчас найти возможность связаться с кем-то в тюрьме, где держат Никитину, но сами понимаете, какие шансы. А заставить ее говорить тем более никаких. И вряд ли она признается, что незаконно получила от вас вознаграждение, Артур Асланович. Деньги ваши на яхту и ушли, она в купчей указана как долевая.

– Черт, – Тагаев с силой опустил кулак на стол. – И что, на том корыте больше никого из персонала не было?

– А сколько там надо? – пожал плечами Роман. – Капитан да два матроса.

– Ну как? А горничные, а стюард, а повара? Официанты, охрана…

– Артур Асланович! – эсбэшник посмотрел на него как на городского сумасшедшего. – Какой стюард? Какие повара? Откуда? Готовил одни из матросов, он по совместительству повар. И официантка. Одна или две, тут уж не поймешь. Убирали они же, да и сколько там тех кают?

– Какой у нас выход? – снова сцепил пальцы Тагаев. Роман пожевал губу.

– Опрашивать пассажиров, только так. Я уже дал поручение достать списки. У меня вот какая мысль возникла, Артур Асланович. А что, если этот Орхан своих сотрудников под видом туристов оформлял? Чтобы медицинскую страховку не оплачивать и налоги?

– Хорошая мысль! – подумав, кивнул Тагаев.

– Да, тогда легко можно еще пару-тройку человек на работу взять, а при случае их кышнуть. Ну при форс-мажоре каком-то, вот как у вас случился, к примеру. И тогда он ни клятый, ни мятый, Орхан. Все туристы, не прикопаешься. Единственное, с пассажирами засада.

– С пассажирами? Почему?

– Ну, те, как захотят говорить, вспомнят-не вспомнят. Не забывайте, курорт международный, и гулет хоть и бюджетный, но это смотря по каким меркам.

– Ну да, – задумчиво проговорил Артур, – наш системщик в свадебное путешествие поехал.

– А я о чем. Если на гулете были отдыхающие-иностранцы, нам проще по месту нанять детективов. А потом уже самим беседовать.

– Действуй, – разрешил Тагаев, – только чтобы был результат. А разве по списку не видно, соответствует ли количество отдыхающих количеству спальных мест?

– Так они иногда каюту капитана для отдыхающих переоборудуют, тут надо всех шерстить.

– Но если Никитина уже тогда была любовница этого Орхана, значит она назвалась другой Настей намеренно? – Артуру была омерзительна мысль, что он опустился до девки, которую пользовал владелец этого вшивого гулета.

– Выходит, что так, – подтвердил Роман.

– Ты понимаешь в чем дело, Рома, – Тагаев уперся ладонями о стол, – она знала обо мне вещи, которые могла знать только та Настя, настоящая. Другая. Если

она, конечно, существует.

– Выясним, Артур Асланович, – Роман встал, но Тагаев его остановил.

– Погоди, послушай. Пока детективы рыть будут, ты вот что. Пошерсти-ка мне семейку одну. Савицкие. Анастасия – владелица свадебного агентства, в котором Ариана планирует разместить заказ. Они называют его салон, но по объему услуг это агентство. «Три Д». У нее дети, трое. Тройня, – он поправился, и у Романа округлились глаза. – Да. Отца нет. Меня интересует этот человек.

– Хорошо, Артур Асланович, – эсбэшник направился к выходу, и Тагаев окликнул его уже у самых дверей.

– Рома!

Тот обернулся.

– Только очень аккуратно. Она не должна ничего знать.

Роман серьезно кивнул и вышел, а Артур открыл ноутбук и вошел в почту. Во входящих висело письмо от салона «Три Д» со ссылкой на облачный диск. Затребованные им видео выбранных Арианой локаций. Быстро как она сориентировалась, Анастасия.

Упаковала заботливо и отправила, стоило ему только ступить за порог.

Это его почему-то особенно бесило.

А сама на свидание умотала. Куда там этот ушлепок ее пригласил?

Куда бы ни пригласил, найти ее не проблема. Надо вернуться к офису и проследить, с этим Артур сам в состоянии справиться, тут не обязательно подключать службу безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Эвангелина Ямпольская – главная героиня романа «Он тебя не любит (?)»

2

Доминика – главная героиня трилогии Дины Ареевой «Талер и Доминика».

3

Арсен Ямпольский – главный герой романов «Он тебя не любит (?)» и «Найди меня, Шерхан»

4

«Игра престолов» – американский телесериал в жанре фэнтези.

5

«Игра? в кальма?ра» – южнокорейский веб – сериал в жанре выживания.

6

Камуфлет – подземная вспышка, скрытый взрыв под землей, обычно без образования воронки.

Купить: https://tellnovel.com/tocka_tala/tri-d-dlya-milliardera-svadebnyy-salon

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити